

Десять арестов Исаака Г.

Иркутск, 2015

15 апреля 1937 года Исаака Григорьевича Гольдберга, известного иркутского писателя и общественного деятеля, автора многочисленных повестей и рассказов, чьи произведения и творчество были осуждены положительными отзывами самого Максима Горького, арестовали.

Это был далеко не первый арест в его жизни, хотя и после большого – 16-летнего – перерыва, но на этот раз он оказался последним. Проведя больше года в заключении, 22 июня 1938 Гольдберг был расстрелян. Именно «в заключении», а не «под следствием», так как уже 20 мая 1937 года, «Восточно-Сибирская правда» писала:

«На состоявшемся 11-12 мая совещании молодых начинающих писателей Восточной Сибири подверглась резкой и заслуженной критике работа областного правления союза советских писателей. До недавнего времени в нашей областной писательской организации видную роль играли писатели Гольдберг и Петров и поэт Балин ... Теперь эти литературные «корифеи» разоблачены, как враги народа»¹.

В цитируемой статье П. В. Михайлова грехи «корифея» заключались в развале писательской организации и очернении советской действительности. Однако, тот факт, что на момент ареста Исаак Григорьевич был «старейшиной

¹ Михайлов П. В // Восточно-Сибирская правда, 1937, 20 мая (№ 115), С. 3.

сибирской литературы», в его деле уложился в два слова: «профессия – писатель». А инкриминировалось ему НКВД: руководящая роль в рядах «повстанческой эсеровской организации», смычка с «правотроцкистской организацией» Восточной Сибири, поставка секретных сведений японской разведке и, главное, подготовка покушения на жизнь члена ЦК ВКП(б), наркома путей сообщения Л. М. Кагановича во время его пребывания в Иркутске в феврале 1936 года.²

Среди этого нагромождения обвинений, обычными и единственными доказательствами для которых в те годы выступало «чисто-сердечное признание» самого обвиняемого, было одно, с которого все и началось – Гольдберг действительно когда-то был эсером. Причем, не рядовым членом партии социалистов-революционеров (ПСР), а одним из видных представителей ее правого крыла, активным противником октябрьского переворота.

Жизнь его довольно резко делилась на до и после 1920 года. Рубеж этот, проложенный входом 5-й красной армии в Иркутск, перечеркнул всю его деятельность как политика, старого (еще со времен Плеве) революционера и публициста-общественника, оставив только литературный «побег», так буйно разросшийся в советское время и сломанный одним бездумным взмахом двигавшейся по стране репрессивной машины 37-го года.

Жизнь в книгах

При аресте Гольдберга был изъят и, к огромному сожалению позднейших исследователей его жизни и творчества, исчез личный архив. Поэтому не удивительно, что биографические работы о нем

² Подробнее см.: Семенов А. История одного «терРакта» // Восточно-Сибирская правда, 1992, 30 мая (№ 97-98), С. 14.

известных историков сибирской литературы Н. Н. Яновского, В. П. Трушкина³ и, особенно, П. В. Забелина⁴ во многом строятся на воспоминаниях современников и уделяют особенно большое внимание анализу произведений и объяснению поступательного развития Гольдберга именно как художника слова. В общем-то, можно сказать, что такое направление задал сам Исаак Григорьевич, опубликовав в 1933 году статью «Биография моих тем»⁵.

Однако, среди детального разбора рассказов, повестей, романов и даже в составленных при его жизни и после реабилитации библиографиях мы не найдем множества рассказов, которые печатались в дореволюционных либеральных газетах и не вписывались в схему творческой эволюции автора на пути к соцреализму. Естественно, нет никакого анализа его публицистических выступлений того периода, за исключением статей в «Забайкальской нови» в 1907 году, связанных с описанием положения пролетариата. Все это понятно и объяснимо. Однако, есть еще одно произведение, не то чтобы пропущенное критикой, но явно обделенное ее вниманием. Речь идет о последнем романе писателя «День разгорается», посвященном событиям революции 1905 года в Сибири.

³ Вехи творчества // Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981. С.181-218.

⁴ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 171 с.

⁵ Гольдберг И. Биография моих тем // Будущая Сибирь, 1933, № 3, С. 35-44.

Книга вышла в Иркутском ОГИЗе самом начале 1936⁶ года довольно значительным тиражом – 10 тысяч экземпляров. В планах издательства на 1937 было второе ее издание⁷, однако после вскоре последовавшего ареста и «разоблачения врага народа» ни о каких переизданиях речь идти уже конечно не могла. Более того, все книги Гольдберга, имевшиеся в библиотеках и книготорговых точках, изъясали. Что-то закрыли в спецхран, а там, где его не было (а не было его практически нигде), наверное, просто списали. Например, в спецфонд Иркутской областной библиотеки по акту от 8 декабря 1938 поступило всего лишь 12 наименований (24 экземпляра) его книг⁸, среди которых романа «День разгорается» не было. Не сохранилось этой книги и в научной библиотеке Иркутского государственного университета. На сегодняшний день она является настоящей библиографической редкостью⁹.

В период «возвращения имен», когда скромно указывали даты смерти «незаслуженно забытых» деятелей культуры, но не называли причин этих смертей, обычно ограничивались переизданием различных сборников «Избранного» или смешанных антологий, например, в серии «Библиотека сибирского романа». Творческое наследие Гольдберга в конце 50-х – 80-е годы восстанавливалось довольно активно, однако, больше внимания конечно уделялось его «тунгусским» и «партизанским» рассказам и, конечно, «производственным» вещам, таким как «Поэма о фарфоровой чашке» –

⁶ В выходных данных указан 1935 год, однако книга была подписана к печати лишь 19 декабря 1935 и увидела свет уже в 1936. См. в «Восточно-Сибирская правда», 1936, 22 янв. (№ 18), С. 3: «На днях выходит из печати отдельным изданием большой роман Ис. Гольдберга «День разгорается»».

⁷ Что будет издано в будущем году // Вост.-Сиб. правда, 1936, 15 дек. (№ 288), С. 4.

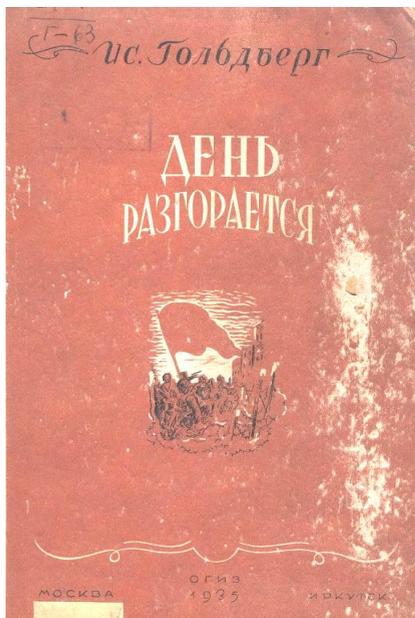
⁸ Полищук Ф. М. Книги горькой правды. Иркутск, 2008. С. 35.

⁹ Согласно сводному электронному каталогу библиотек России ее экземпляры хранятся только в Российской государственной и Российской национальной библиотеках, библиотеке Северо-Восточного университета в Якутске, и Самарской областной библиотеке (чьи, любезно предоставленные, сканкопии и приводятся в качестве иллюстрации в данной работе).

про Хайтинский завод – или «Сладкая полынь» – про сибирскую деревню периода НЭПа (в 1968 г. она даже вышла в ГДР на немецком языке¹⁰). Потом случилась перестройка – открыто писать начали про репрессии, а вот переиздавать, наоборот перестали – стало не до того.

Роман «День разгорается» переиздан не был, хотя, например, в 1970 г. группа известных иркутских деятелей науки и культуры (Ходос, Патрушев, Крамова, Лебединский, Рогаль, Хороших, Кротов, Лосев, Седых, Зонов, Кудрявцев, Боскарев и еще двадцать подписей) в открытом письме прямо указывала:

«Вызывает немалое удивление, что роман Исаака Гольдберга «День разгорается», посвященный событиям 1905—1907 годов в Иркутске, не переиздавался с 1935 года. А ведь в нем художественно, правдиво, с марксистско-ленинской точки зрения изображается один из этапов революционного движения в нашем городе. Изображается очевидцем и горячим участником этих событий, писателем высокого интеллектуального уровня... Настало время серьезно подумать всей общественности о восстановлении литературного наследия заслуженного писателя, нашего

¹⁰ Goldberg, Isaak G. Süsser Wermut: Erzählungen / [Aus d. Russ. übers. von Werner Creutziger. Die Erzählung Weiberkummer übers. Gottfried Kirchner]. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1968. 265 s.

земляка Исаака Григорьевича Гольдберга. Произведения его необходимы и в наше время для воспитания молодого поколения в духе советского гуманизма»¹¹.

Роман писался долго – пять лет (1930-1934) – и первоначально печатался на страницах журнала «Новая Сибирь» за 1935 год¹². Конечно, это прежде всего художественное произведение. Причем созданное не «вольным художником» свободным от условностей, накладываемыми высоким общественным статусом, а «старейшиной сибирской литературы», «мэтром», который не мог не оглядываться на критику и не отдать дань правильной расстановке акцентов в изображении событий тридцатилетней давности. Что он и сделал: *«осудил антинародный характер деятельности эсеров, создал образы революционеров, неуклонно и мужественно проводивших политику большевистского III съезда РСДРП»¹³.*

И конечно же, это произведение автобиографическое. Гольдберг вообще не брал тем «с потолка». Все, о чем он писал – выросло из личного опыта – будь то рассказы о быте эвенков или байки уголовников¹⁴. А если этого опыта не хватало, тогда он погружался в тему намеренно. Так было, например, в случае с «Поэмой о фарфоровой чашке», для написания которой ему пришлось пожить в Хайте, или с «Главным штреком», написанным по результатам творческой командировки в Черемхово.

Однако, случай с романом «День разгорается», конечно отличается от приведенных примеров несомненно более значительной личной вовлеченностью автора в описываемые им события.

¹¹ Мамаева К., Мутин В. Повесть о писателе Гольдберге // Знамя коммунизма, 1970, 14 янв., С. 3.

¹² Новая Сибирь, 1935, №№ 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9.

¹³ Яновский Н. Жизнь начинается снова // Ангара, 1960, № 4, С. 137.

¹⁴ Гольдберг И. Блатные рассказы // Сибирские огни, 1926, № 1-2, С.102-122.

Жена писателя – Любовь Ивановна Исакова – в 60-е вспоминала:

«В период его работы над романом ... походы по городу были особенно часты. Они были необходимы ему для зарисовки обстановки, в которой происходили изображаемые события. Частенько И. Гольдберг работал в архиве, в научной библиотеке, знакомился с документами полиции и жандармерии, читал газеты и журналы тех лет, разыскивал фотографии участников. Для воссоздания обстановки на улицах ... приходилось ходить или ездить на извозчике в разные концы города, в бывшее ... предместье, где были Кузнечные ряды, где строились баррикады, в железнодорожное депо, где происходили митинги, собрания рабочих, бывал в солдатских казармах и во многих других местах»¹⁵.

Возможно, что эти походы и поездки по Иркутску были вызваны желанием не столько «воссоздать», сколько вспомнить. При этом Гольдберг не слишком старался «обезличить» свои воспоминания при переводе их в художественную форму. Условный неназываемый «губернский город» – это конечно же Иркутск. И хотя автор в основном избегал деталей в его топонимике и топографии, вот это, к примеру, описание, говорит само за себя:

«Главная улица тянулась от реки до реки. По главной улице в праздничные дни, в послеобеденное время, красуясь щегольскими выездами, прокатывались купцы ... Одним концом главная улица упиралась в быстроводную студеную реку с широкой набережной, поросшей летом густой травой. ... Другим концом главная улица упиралась в мост через суматошную речку, летом почти пересыхавшую до самого дна, а осенью и весной выходящую из берегов и затопляющую домишки Спасского предместья. В Спасском предместье ютились десятки мыловаренных и кожевенных заводов и

¹⁵ Мутин В. Н. Сибирский корень // Сибирский библиофил. Вып. 1, 1988, С. 225.

заводиков. По эту сторону реки, глядясь окнами на Спасское предместье, расселись кузнечные ряды»¹⁶.

Довольно прозрачных реальных прототипов имеют и многие герои романа: редактор газеты «Восточные вести» Пал Палыч Иванов это редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов; доктор Вячеслав Францевич Скудельский и фармацевт Сойфер – меньшевик и в впоследствии депутат II Государственной Думы В. Е. Мандельберг; еврейский купец Вайнберг – И. М. Файнберг; пристав III полицейской части Петр Евграфович Мишин – одиозный для Иркутска пристав III части Щеглов, обвинявшийся в организации погромных черносотенных банд «рабочедомцев»; начальник гарнизона генерал Синицын – начальник Первой Запасной Бригады, генерал-майор Ласточкин; граф Келлер-Загорянский – барон Меллер-Закомельский и так далее. Интересно, что некоторые из этих прототипов на момент выхода книги были живы и даже, возможно, могли его прочитать (если не Мандельберг, находившийся в эмиграции, то Попов, как раз в эти годы активно занимавшийся своими мемуарами).

Событийная канва также довольно точно привязана к Иркутску периода конца октября 1905 – начала января 1906 годов. Знаменитое побоище у дома Кузнеца (в романе именуемого «железнодорожным собранием»), убийство А. М. Станиловского в ресторане «Россия» (в романе – «Метрополь»), деятельность дружин самообороны, стачка почтово-телеграфных служащих, солдатская забастовка – все это есть в романе и именно в той последовательности, в которой они и происходили в городе. Лишь в финале автор отступает от в общем последовательного изложения иркутских событий и вводит сюжет одновременного прибытия в город двух карательных экспедиций –

¹⁶ Новая Сибирь, 1935, № 1, С. 16.

графа Келлер-Загорянского (Меллер-Закомельского) с запада и генерал-майора Сидорова (Ренненкампфа) с востока, с последовавшими расправами над революционерами. Здесь под видом «губернского города», конечно выведен конец «Читинской республики» и публичная казнь пятерых активных революционеров в Верхнеудинске 12 февраля 1906 года. Реальному концу волнений в Иркутске явно не хватало драматичности – в роман попал лишь сюжет с арестом в новогоднюю ночь нескольких сотен горожан.

В общем роман интересен. Пусть это не хроника и что-то в нем затушевано, а что-то выпячено или вовсе придумано, но атмосфера и детали жизни и быта того периода выписаны очень хорошо. В нем дано поведение в дни смуты не только «революционеров» и «забастовщиков», но и «обывателей» и либеральных предпринимателей; появление грабителей-«кошевичников»; реакция уголовных заключенных на высочайший Манифест 17 октября; работа жандармов; погромщики и многое-многое другое.

Можно даже высказать осторожное предположение, что в романе в нескольких «ипостасях» фигурирует и сам автор, отражаясь в таких персонажах как семинарист Гавриила Самсонов, распространяющий прокламации и участвующий в издании нелегальной рабочей газеты, и «нетвердый» большевик Павел Воробьев, вопреки партийным установкам склонившийся к индивидуальному террору. Что характерно – в финале романа Воробьев будет повешен в тюремном замке после неудачного покушения на графа Келлер-Загорянского. В его лице Гольдберг словно демонстративно хоронил свое эсэровское прошлое. Оно, однако, как мы знаем, не отпустило писателя.

Его трагическая и совершенно бессмысленная гибель, как кажется, лишила нас очень интересного цикла произведений, в котором должна была отразиться непростая история Иркутска конца

XIX – начала XX вв. В плане Иркутского ОГИЗа на 1937 г., кроме переиздания романа «День разгорается», значилась повесть Гольдберга «Товарищи»¹⁷, которая судя по всему рассказывала о межреволюционном периоде и Февральской революции 1917 года и, может быть, уже даже была сдана в набор. Кроме того, остались упоминания о подготовке повести «Конец Московского тракта» о приходе в Иркутск Транссибирской магистрали¹⁸. От них не сохранилось ничего, кроме, возможно, двух отрывков, опубликованных в разное время в газетах – «Неправильный календарь»¹⁹ (об одной из первых маевок в городе) и «Первая весть»²⁰ (о политических ссыльных, узнающих в глухом селе о крушении самодержавия).

Утрата этих произведений (пусть бы и в черновиках) тем печальнее, что, создать их собирался мастер слова и непосредственный участник событий, который на шестом десятке своей насыщенной перипетиями жизни решил обратился к воспоминаниям молодости поверяя их газетными и архивными материалами. А вспомнить Исаак Григорьевич мог не мало.

«То, что вспомнилось»

Мы можем предполагать некоторую автобиографичность отдельных произведений Исаака Григорьевича, но собственных мемуаров о досоветском периоде его жизни существует лишь два. Обе публикации были связаны с революционными событиями в Иркутске и представляют исключительный интерес.

¹⁷ Что будет издано в будущем году // Восточно-Сибирская правда, 1936, 15 дек. (№ 288), С. 4.

¹⁸ Над чем работают писатели // Восточно-Сибирская правда, 1935, 27 апр. (№ 28), С. 4; Сибирские огни, 1935, № 2, С. 221.

¹⁹ Власть труда, 1927, 1 мая (№ 98), С. 4, 5.

²⁰ Восточно-Сибирская правда, 1933, 4 дек. (№ 279), С. 3; Ангара, 1967, № 5, С. 52-55.

К 10-летию свержения самодержавия «Власть труда» опубликовала его воспоминания «Как Иркутск узнал о перевороте», в которых очень живо рассказывается о совещании, состоявшемся вечером 1 марта 1917 года у генерал-губернатора А. И. Пильца. Гольдбергу, как редактору одной из ведущих городских газет – «Сибирь», – после нескольких дней «информационной блокады» были переданы телеграммы петербургского телеграфного агентства с известиями о революции:

«...я заявил, что если немедленно мне будут переданы телеграммы, я их, не взирая ни на какие технические препятствия, пущу в завтрашний номер.

...когда я примчался со своей драгоценной ношей, метранпаж и дежурный наборщик уже кончали верстать газету. Когда я показал им телеграммы, когда взволнованно и опьяненно я сказал им, что все это нужно во что бы то ни стало пустить в номер, обычно несговорчивые, усталые за день от тяжелой работы, товарищи сразу загорелись энергией и энтузиазмом.

— Каких толков! Все сделаем!.. Все успеем!..

Дежурный наборщик, печатник и сторож на извозчиках кинулись собирать и свозить рабочих. ... Надо хоть немного знать тогдашние условия типографской работы, чтобы понять, что

значит после девяти часов вечера, когда наборная работа по газете совершенно окончена, ухитрится сделать набор более полутора полос семиколонного размера. А это было, благодаря поистине героическим усилиям рабочих, сделано...

Я не помню, как написал я коротенькую передовую. Потом мы вместе с метранпажем выкидывали очередной материал из сверстанного номера и ставили вот этот, вот такой живой, животрепещущий материал, из каждой строки которого каждой буквою кричало:

— Революция! Пришла революция!..

Печатать помер начали в полночь. Кончили печатание назавтра в два часа дня. Немудрено: ведь нам пришлось на этот раз вместо наших обычных семи тысяч экземпляров выпустить небывалую для Иркутска цифру — семнадцать тысяч!»²¹.

Второй, и значительно более обширный, материал также был приурочен к «круглой дате». В конце 1925 года в «Сибирских огнях» была напечатана статья Гольдберга «То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске)»²² с воспоминаниями, охватывающими период с апреля по ноябрь 1905 года, и, практически сразу после этого, в нескольких номерах «Власти труда», очерк «Восемь дней (Военная забастовка в Иркутске в 1905 году)»²³, хронологически продолжающий «Листки», но уже почти не содержащий никаких личностных моментов. Несмотря на то, что под романом «День разгорается» самим Гольдбергом указаны даты написания «1930-

²¹ Власть труда, 1927, 12 марта (№ 59), С. 6.

²² Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 201-228.

²³ Власть труда, 1925, 19 дек. (№ 291), С. 6; 20 дек. (№ 292), С. 7; 22 дек. (№ 293), С. 6.

1935», совершенно очевидно, что тему эту он начал серьезно разрабатывать как минимум на пять лет раньше. Местами «Листки» просто текстуально совпадают с романом.

Это даже не столько мемуары, сколько результат исследовательской работы в попытке нарисовать целостную картину событий первой русской революции в Иркутске на основании современных им печатных и архивных материалов и, лишь отчасти, личных воспоминаний. Но именно в тех случаях, когда Гольдберг не цитирует газетные статьи (в основном из «Восточного обозрения») и конструирует на их основе определенные обобщения, его язык становится живым, очень достоверно передающим переживания стоящего на пороге совершеннолетия юноши, погрузившегося в водоворот «уличной» политики.

Особенно насыщены эмоциями и деталями сюжеты с описанием беспорядков в городском театре на Пасху 18 апреля (1 мая нового стиля), событий бурного дня 17 октября (драка у Дома Кузнеца утром и вечернее столкновение на Большой улице после митинга), ареста членов эсеровской дружины и их последующего тюремного заключения 19-22 октября, действий отрядов самообороны в ноябре.

И в каждом из этих фрагментов мы находим неперемное указание на молодость всех активно действующих лиц, на чувство радости от того, что сложные проблемы можно так просто и даже весело решить совместными усилиями:

«— Да здравствует первое мая!.. Ура!..

Все повскакали с мест. Оркестр умолк. ... В зале дали свет. По коридорам забежали дежурные околodочники и полицейские. По-

середине партера вырос полицейский майстер Никольский, задравший голову вверх и высматривающий что-то на галерке. А там все кипело. За первым криком поднялся грохот и громче всего послышалось: — Оркестр, Марсельезу! Марсельезу!

Из партера панически настроенная публика кинулась по проходам к выходу. Галерочная молодежь заметила это, облепила перила и, свешиваясь вниз, закричала: — Трусые!.. Как вам не стыдно!.. Родители сдрефили!?

Под хохот и галдеж многие из побегавших из партера вернулись обратно и уселись смущенно на свои места: штука-то выходила в самом деле конфузная, — ведь у многих наверху, на галерке, были сыновья-гимназисты и техники и дочери-гимназистки! ...

Попов и еще кто-то из «родителей» — влиятельных иркутских обывателей — вступили в переговоры с полицией. ... А вверху было весело, празднично, молодо-буйно. Листки перелетали из одного ряда в другой. Группировались по голосам, налаживали хор и пели студенческие и революционные песни»²⁴.

Несмотря на опасность:

«Почти во всех дружинах основным, преобладающим элементом была молодежь, зеленая, но энтузиастически отдававшаяся своему, порою весьма и весьма опасному делу ... среди дружинников царило молодое, немного угарное, радостно-боевое, настроение. На сборных квартирах, в караульных частях, даже во время патрулирования, все были веселы, оживленны и как-то праздничны:

²⁴ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 203-204.

плескался веселый молодой смех, звенели песни, шумели и разгорались незлобивые споры»²⁵.

И даже находясь в тюрьме:

«Мы, молодежь — революционная, неугомонная, быстро привыкающая ко всяким невзгодам и условиям жизни молодежь — оказались в меньшинстве. Почтенные либералы ... могли ... установить свой камерный режим — и тогда нам, нашим тюремным вольноотрядам ... была бы крышка.

Мы пошли натиском на наших крахмально-одеколонных сокамерников и ... не успели солидные адвокаты, искушенные во всяческих «правах», охнуть, как мы уже осуществили первое наше право: ... выдвинули из своей среды старосту, поручили ему разработать камерную «конституцию» и взяли всю полноту власти, таким, образом, в свои руки. Конституция, которую мы с нашим старостой установили, была, что ни на есть, самая «вольная». Коммунистические начала в ней были проведены широко и безоговорочно: передача, хотя бы наиндивидуальная, идет в общий котел, делится на всех. Изъятий никаких.

И нужно было видеть горестные и недоумевающие мины солидных людей, когда получаемая ими в передаче коробка сардинок шла в тщательную разделку, фунт семги, примерно, делился на сорок пять частей, кусок сыру кромсался на миниатюрные кубики ... Ребята хохотали и демонстративно подчеркивали свой восторг от такого лакомства, ... а бывшие хозяева всех этих деликатесов растерянно переглядывались и старались скрыть свое неудовольствие»²⁶.

²⁵ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 223, 225.

²⁶ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 216-217.

Но не только смехом, но и с помощью ... револьвера:

«...солдаты взяли ружья наизготовку. У нас дрогнули. Но то ли был сильный молодой подъем, то ли никто из нас не осознал еще всей опасности минуты, — но наши ряды не расстроились. Только кто-то постарше летами (не помню, кто именно, но знаю, что это был не случайный человек) вышел быстро вперед, к солдатам, остановился против их строя и взволнованно спросил: — Товарищи, неужели вы будете в нас стрелять?..

Солдаты молчали, с любопытством поглядывая на «врагов» — молодую толпу, вооруженную разнокалиберными револьверами, возбужденную, но сдержанную»²⁷.

Револьвером, который дает власть:

«...на мое требование немедленно принять раненых и вызвать врачей опрятная, сытая и важная немка с достоинством ответила мне, что заведение это чистое, что для таких случаев мест в нем нет ... Я помню четко и ясно, как весь налил я кровью, как одеревенел мой язык — и вместо него показался наган. Я вытащил его из-за пояса и смог сказать только: — Носилки!

И был чудесен этот лаконический, многоговорящий язык; немка сразу оплыла, побелела, сунулась от меня в сторону, и вслед затем вышли санитары с удобными носилками»²⁸.

Но при этом не добавляет разумности:

«...приподнято-веселое настроение то здесь, то там порою омрачалось тем, что очень скоро приобрело у нас бытовое наименование «восьмой пули». Восьмая пуля — это та пуля в браунингах,

²⁷ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 212-213.

²⁸ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 208-209.

которая закладывается в ствол и про которую, когда выбрасывают обойму, часто забывают. Молодежь, не всегда дисциплинированная и любящая повозиться зря с оружием, делалась жертвой этой забытой восьмой пули. То в одной, то в другой самообороне кто-нибудь нечаянно подстреливал друг друга — и из рядов самообороны выбывал боец. Можно насчитать больше десятка таких случаев неосторожного обращения с оружием, правда, по счастью, не оканчивавшихся смертным исходом.»²⁹.

И который не только защищает, но и провоцирует других на то, чтобы убить вас и ваших друзей:

«У всех было приподнятое возбужденное настроение. Мы все чего-то ждали, чего-то нового и неожиданного и у всех нас было какое-то радостно-нетерпеливое состояние ... Мы сорвались с мест, хватились за свои револьверы, проверили запасы пуль. Мы шумно пошли к дверям ... Растеряв своих спутников, я кинулся в толпу, и здесь, на бегу, услышал возгласы:

— Убили... Убили!

... На остывшей октябрьской земле, свернувшись, лежал кто-то неподвижный, окровавленный. Я нагнулся, взглянул на лицо: оно было сплошь залито кровью, оно было неузнаваемо. Теряя самообладание, я стал вглядываться в лежащего, узнавать ... В этот день многие из нас, наверное, были невменяемы... В этот день нас, молодежь, впервые овеяло дыхание подлинной настоящей борьбы.

Я выбежал из лечебницы фон-Бергман и, ничего не понимая, повинуясь какой-то толкающей меня силе, побежал обратно, туда, к дому Кузнеця. Я бежал, как в тумане. Я никого и ничего не видал.

²⁹ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 225.

Я бежал — и очнулся только ... пред сплошным рядом конных казаков ... возле дома Кузнеца расхаживала группа военных. Среди них я увидел грузную фигуру полицеймейстера Никольского. Я кинулся к полицеймейстеру и закричал:

— Убийца! Это ваше дело! Убийца!»³⁰.

Приведенные выше наиболее эмоциональные фрагменты воспоминаний Исаака Григорьевича, прекрасно передают мироощущение молодых неравнодушных людей начала прошлого века, которые во многом и создавали ту атмосферу «радостного нетерпения», желания поскорее пережить что-то «новое и неожиданное». Для многих из них это нетерпение закончилось трагической гибелью, еще большему числу были суждены каторга или ссылка. Впрочем, такой итог был вполне предсказуем и движение к нему начиналось еще за несколько лет до событий 1905 года и имело свои причины.

«Братство» (1902-1906)

Ранний период жизни и творчества Исаака Григорьевича, то время, когда в возрасте 18-28 лет он формировался как личность и делал свои первые шаги в литературе и публицистике, не избалован вниманием исследователей. Участие в нелегальном ученическом кружке «Братство» – самый ранний биографический факт – можно сказать каноничен. И в то же время, сведения, обычно приводимые о нем в жизнеописаниях Исаака Григорьевича, весьма поверхностны. Между тем, для понимания истоков Гольдберга – политика и общественного деятеля, а, пожалуй, и Гольдберга-писателя он очень важен.

³⁰ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 207-209.

История с ученическим кружком и одноименным «самиздатовским» журналом «Братство», стала известной благодаря тому, что члены его попали в поле зрения охранного отделения. Сам Гольдберг видимо, вообще не придавал особого значения этому первому противоправительственному опыту, хотя, конечно же, именно он и послужил одним из существенных толчков к более радикальной деятельности для него и его товарищей. Историография его небогата, а хронология местами путана.

Первое упоминание о «Братстве» мы находим в «Обзоре революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг.» написанном по «горячим следам» революционных волнений. В нем написано буквально следующее: *«в декабре был обнаружен среди воспитанников VII класса кружок, издававший журнал «Братство», в котором встречались статьи преступного содержания»*³¹. Сам факт возникновения кружка по контексту соотносится с активностью Иркутского комитета Сибирского социал-демократического союза (РСДРП), притом, что по данным самого же «Обзора» в течение 1903 года, начиная с апреля месяца было произведено три *«ликвидации наблюдения за членами Социал-Демократической партии»*, т. е. их планомерные аресты, настолько ослабившие комитет, что в августе 1904 года на сходке присутствовало не более 15 человек³².

В биографических справках о жизни Гольдберга об этом эпизоде упоминалось очень кратко и по понятным причинам вовсе не акцентировалось внимание на партийной принадлежности. Обычно это

³¹ Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. СПб, 1908. С. 60. Причем из логики текста следует, что речь идет о декабре 1904 года, что противоречит архивным данным и, вероятно, является ошибкой составителя, простительной при том объеме информации, который ему пришлось обработать в довольно сжатые сроки. Автором или, возможно, руководителем авторского коллектива «Обзора» был прокурор Иркутской судебной палаты – Е. П. Нимандер, вступивший в должность 20 ноября 1906 года.

³² Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг., С. 59.

выглядело так: *«Окончил городское училище и готовился держать экзамен экстерном за среднюю школу, чтобы поступить в университет, но в 1903 году был арестован за принадлежность к революционной группе молодежи»*³³ или так *«Будущий писатель едва успел окончить городское училище, как был арестован за принадлежность к ученической группе «Братство», издававшей нелегальный журнал»*³⁴.

Следующее и наиболее полное описание событий 1903 года появилось в 1971 году в художественной биографии Гольдберга, написанной П. В. Забелиным на основе не только опубликованных материалов и воспоминаний, но и с привлечением документов из фондов Государственного архива Иркутской области³⁵. Сюжету посвящена вся первая глава книги – «На заре»³⁶. В ней мы найдем указание на количество членов кружка – 12 человек, фамилии и имена семерых из них, ту самую крамольную цитату «преступного содержания», описание изъятого при обыске комнаты Гольдберга при аресте 2 декабря 1903 года компромата и выдержку из протокола допроса Исаака Григорьевича начальником охранного отделения ротмистром М. Л. Гавриловым. Журнал прямо называется «противоправительственным», а в реконструированных Забелиным разговорах члены кружка рассуждают «о возможностях и путях революции», выдвижении из среды интеллигенции «новых дантонов». Однако протокол допроса Гольдберга содержал настолько лоялистские объяснения, что вызвал у исследователя недоумение, которое он и выразил, приписав его жандармскому ротмистру:

³³ Юбилей Исаака Гольдберга // Сибирские огни, 1928, № 6, С. 237.

³⁴ Яновский Н. Жизнь начинается снова // Ангара, 1960, № 4, С. 137.

³⁵ ГАИО, ф. 600. Оп. 1, ед. хр. 13.

³⁶ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск, 1971. С. 4-16.

«Что это? Путаная, но программа борьбы? Или казуистика потенциального подпольщика? Он доказывает бессмысленность современного правопорядка и в то же время обосновывает мысль о бессмысленности социальной борьбы? Ротмистр Гаврилов, опытный сыщик, с недоумением и раздражением смотрел на тонколицего парня с огромными, странно сиявшими глазами»³⁷.

В 2007 году вышла небольшая статья М. В. Шиловского, специально посвященная дореволюционному периоду жизни Гольдберга³⁸. В ней сразу утверждается, что *«Исаак входит в состав ученического кружка, организованного иркутскими эсерами для пропаганды программных положений партии и рекрутирования новых членов»*, при этом как бы в подтверждение этого факта приводится цитата из воспоминаний Гольдберга со ссылкой на архив литературоведа Н. Н. Яновского, хранящийся в ГАНО³⁹. Однако приведенная Шиловским цитата полностью совпадает с фрагментом вводной части статьи Гольдберга *«То, что вспомнилось»*, опубликованной в «Сибирских огнях», а там она скорее описывает период второй половины 1904 года⁴⁰. В статье также приведены сведения о количестве выпущенных номеров (5) и технологии тиражирования (гектограф и пишущая машинка) журнала. Источником этой информации, видимо, послужили воспоминания одного из членов кружка – Ельяшевича – из того же архива Н. Н. Яновского и, вероятно, относящиеся к 50-60 годам.

³⁷ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск, 1971. С. 14.

³⁸ Шиловский М. В. Литературный псевдоним Irgidens. Исаак Григорьевич Гольдберг // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Новосибирск, 2007. С. 173-179.

³⁹ ГАНО, ф. Р-272 (Архив Яновского Н. Н.) оп. 1 д. 169 (Письма Яновскому Н. Н. от Исаковой Л. И., статьи, письма Гольдберга И. Г. и др.)

⁴⁰ Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 202.

По удивительному совпадению в том же 2007 году появляется статья Л. Н. Гончаренко и В. В. Коломинова посвященная биографии А. Б. Ельяшевича⁴¹, видного советского ученого-экономиста и преподавателя, скончавшегося в 1967. В ней приводятся сведения и цитаты из хранящегося в ЦА МГБ СССР следственного дела Ельяшевича, осужденного в 1950 году по пунктам 10 и 11 ст. 58 УК за «активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» к пяти годам поселения в Канске⁴². Есть там и упоминания об участии Ельяшевича в организации «Общества самообразования и братства» и редактировании им журнала «Братство»⁴³. Они выдержаны в том же ключе – основным занятием в кружке было чтение революционной литературы, и само его создание произошло под влиянием или скорее под впечатлением от деятельности ссыльных народников и социал-демократов, но не эсеров, «перехвативших» инициативу годом позже.

Наконец, в 2008 году опубликован обширный материал О. В. Ищенко о кружковой деятельности в среде сибирских учащихся начала XX века⁴⁴. Архивные источники, на которые ссылается автор, отличаются от использованных П. В. Забелиным в 1971 году. Тогда это были документы из фонда Иркутского губернского жандармского

⁴¹ Гончаренко Л. Н., Коломинов В. В. Страницы политической биографии А. Б. Ельяшевича // Власть и общество в России: историческая трансформация и технологии взаимодействия: сб. науч. ст. Вып. 1. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. С. 112-139.

⁴² Что интересно, А. Б. Ельяшевич не был реабилитирован. Он вернулся в Ленинград по амнистии 1953 г., восстановился на работе и продолжал преподавать в ЛИЭИ до 1960.

⁴³ Такая его существенная роль несколько сомнительна, учитывая, что он был одним из самых младших членов кружка и к моменту ареста ему шел шестнадцатый год.

⁴⁴ О.В. Ищенко. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия «История. Политология». Вып. 4/3. Барнаул, 2008. С. 103-110.

управления⁴⁵, а Ищенко основывается на бумагах Иркутского районного охранного отделения⁴⁶, уголовного отделения 1-го департамента Министерства юстиции⁴⁷, а также Департамента полиции Министерства внутренних дел⁴⁸.

Особенно интересной делают статью цитаты из частной переписки одного из членов кружка – Г. А. Левенсона – перлюстрация писем которого, собственно и послужила основанием для заведения дела на группу.

Ценность их заключается в том, что два других источника – протоколы допросов и «мемуары» Ельяшевича не могли быть не ангажированы. Просто в силу того, что во время следствия члены кружка естественно старались отмежеваться от всякого вольнодумства, а воспоминания последнего были записаны почти через полвека и также в условиях, не слишком располагавших к предельной откровенности. Все-таки в 1950 году на допросе в МГБ обвиняемому, наверное, имело смысл лишний раз подчеркнуть, насколько велик его стаж на ниве борьбы с самодержавием.

Кроме того, в 2010 году опубликован материал Г. М. Фалалеева об одном из упоминаемых П. В. Забелиным персонажей этой истории – Владимире Пруссе⁴⁹. В нем, к сожалению, нет ничего о кружке и журнале, однако приводятся сведения о нелегальных изданиях изъятых у него при обыске и его дальнейшей судьбе. Одним из источников для материала послужило дело «О мещанине Вольфе

⁴⁵ ГАИО, Ф. 600, Оп. 1, ед. хр. 13.

⁴⁶ ГАИО, Ф. 601, Оп. 1, Д. 20.

⁴⁷ ГА РФ, Ф. 124, Оп. 12, Д. 1090 «О привлечении к дознанию М. Файнберга, Э. Левенберга и др. за организацию кружка "Братство" в Иркутской губ. 13.12.1903 – 03.12.1904».

⁴⁸ ГА РФ, Ф. 102, Оп. 226 (Особый отдел), Д. 3ч. 227 «Сведения по средним учебным заведениям г. Иркутска» и ГА РФ, Ф. 102, Оп. 116 (4-е делопроизводство 1907 г.), Д. 23 «Движение в учебных заведениях по Иркутской губернии».

⁴⁹ Цикл очерков «Семья Прусс» датирован автором 1986 годом, но обнаруживается только в электронном варианте: <http://www.proza.ru/2010/07/22/1360>.

Иосифове Пруссе», также из фонда особого отдела департамента полиции МВД, хранящееся в ГАРФ⁵⁰.

Итак, на основе компиляции сведений из перечисленных источников, можно попытаться реконструировать события далекого 1903 года и участие в них Исаака Гершева Гольдберга, иркутского мещанина девятнадцати лет.

Друзья

Для начала о составе кружка. Как уже было сказано, по данным Забелина участников было двенадцать, причем перечисляет он только семерых. Ищенко приводит все двенадцать фамилий, но совпадений со списком Забелина только пять. Таким образом круг персонажей расширяется до 14 человек. Кто же они и как связаны друг с другом?

Три брата – Моисей (1870 года рождения), Павел (1883) и Самуил (Моня, 1885) – сыновья купца первой гильдии Исаия Матвеевича Файнберга (1846-1923). И. М. Файнберг к 1903 году был владельцем нескольких доходных домов (в том числе примечательного здания по нынешнему адресу ул. Халтурина, 1, в котором с 1986 по 2012 годы размещалась Иркутская областная библиотека), хлебных лавок, табачных складов, занимался торговлей (чаем, железом и чугунными изделиями, солью, свинцом, скобяными товарами, табаком), строительными подрядами (особенно после пожара 1879

⁵⁰ Ссылки в очерке даются еще на ЦГАОР СССР. Согласно современной номенклатуре дел ГА РФ это Ф.102, Оп. 101 (3-е делопроизводство), Д. 3291 ч. 2. Всего в деле 10 частей, которые могли бы пролить свет на многие подробности: 3291 О мещанине Исааке Гершеве Гольдберге и других; 3291ч. О потомственном почетном гражданине Самуиле Исаеве Файнберге; 3291ч. О мещанине Вольфе Иосифове Пруссе; 3291ч. О потомственном почетном гражданине Александре Абрамове Ельяшевиче; 3291ч. О мещанине Леонтии Вениаминове Лонцихе; 3291ч. О мещанине Давиде-Гамии Янке-леве Воскобойникове; 3291ч. О крестьянине Лейбе Ицкове Винике; 3291ч. О сыне купца Гдалии Абрамове Левенсоне; 3291ч. О сыне купца Адаме Григорьеве Шнейдермане; 3291ч. О дочери купца Марии (Мире) Моисеевой Дубниковой.

года), золотодобычей. С 1901 г. – почетный потомственный гражданин города Иркутска. Файнберг был широко известен своей филантропией в еврейской общине и отличался религиозностью, до 1891 г. исполняя в ней обязанности «ученого еврея»⁵¹. Усадьба Файнбергов находилась на Медведниковской улице, д. 1⁵².

Гдалией Абрамович Левенсон (1886), с частных писем которого, как уже было сказано, всё и началось, был сыном переехавшего из Качуга в 1897/1898 году купца 2-й гильдии Абрама Соломоновича Левенсона (1854-1928), занимавшегося поставками зерна на Ленские золотые прииски⁵³. Усадьба Левенсонов располагалась на Арсенальной улице, 72⁵⁴.

Лейба Исаевич (Ицкович) Виник (1884) – сын Исаия (Ицко) Яковлевича Ваника (1834-1910), купца 2-й гильдии⁵⁵, отставного фельдфебеля, владельца чугунолитейного завода в Знаменском предместье (построенного им в 1901 г., однако до этого начиная с 1879 у него имелись аналогичные предприятия в Чите, а потом в Верхнеудинске), хлебопекарен, гласного городской думы в 90-х гг. XIX в.⁵⁶. Усадьба, возможно, находилась в Глазковском предместье на Вокзальной улице⁵⁷.

Лонцих Леонтий Вениаминович – сын купца 2-й гильдии Вениамина Моисеевича Лонциха, занимавшегося реализацией меховых

⁵¹ См.: Скаллер А. З. Дом на Медведниковской. Иркутск, 2008; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 2: М-Я. Новосибирск, 2013. С. 352.

⁵² Сейчас ул. Халтурина, 1/1

⁵³ См.: Чернохостова-Левинсон Е. В. Иркутские купцы Левенсоны и их потомки. Hillsborough, 2015.

⁵⁴ Сейчас ул. Дзержинского, 62, перед домом-музеем Трубецких.

⁵⁵ Периодически переписывался в крестьяне, видимо, с целью сокращения налогообложения

⁵⁶ См.: http://irkipedia.ru/content/vinik_isay_yakovlevich

⁵⁷ Сейчас ул. Челнокова.

шапок, фуражек, шляп, рабочей одежды, изготовленных в собственных мастерских⁵⁸. Имел собственный дом по ул. Большой Блиновской, 22⁵⁹.

Винер (Виннер) Яков Гершевич (Григорьевич) (1886) – сын купца 2-й гильдии Григория Марковича (Иось-Герша Мордковича) Винера (умер в 1918⁶⁰), занимавшегося «разной» торговлей, одного из старшин «сложно-маркитанского» цеха Иркутской общей ремесленной управы, занимавшегося золотодобычей⁶¹. Проживал по 5-й Солдатской улице, 21⁶².

Левенберг Эдуард (Аркадий) Александрович (1886) – сын Александра Львовича Левенберга, торговца керосином, мазутом, машинным цилиндрическим маслом в доме по Шелашниковской улице, 14⁶³. Его старшая сестра – Софья Александровна Левенберг – преподавала в женском еврейском училище в 1901-1903 гг.

Прейсман Моисей (1886?) – вероятно сын Матвея Абрамовича Прейсмана, купца 2-й гильдии, имевшего торговлю ламповым маслом и керосином на Мелочном базаре⁶⁴, казначея еврейской городской общины, в 1891 году исполнявшего обязанности «ученого еврея»⁶⁵. Возможно, что он имел какое-то отношение к Анисиму Яковлевичу Прейсману (1860-1928), почетному потомственному

⁵⁸ Адрес-календарь Иркутска на 1901 г.; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 1: А-Л. Новосибирск, 2012. С. 442.

⁵⁹ Сейчас ул. Партизанская, возможно д. 20 или 22

⁶⁰ Наше дело, 1918, 8 дек. (№ 11), С.

⁶¹ Данные по результатам просмотра газет «Иркутские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирь» за 1890-1910 годы.

⁶² Сейчас ул. Богдана Хмельницкого, 19 (или 19а)

⁶³ Сейчас ул. Октябрьской Революции, в районе домов 12-12/2; См.: Иркутские губернские ведомости, 1905, № 4201.

⁶⁴ Восточное обозрение, 1899, № 181; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 2: М-Я. Новосибирск, 2013. С. 190.

⁶⁵ Войтинский В. С., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 254.

гражданину, купцу и зятю И. М. Файнберга (через одну из его дочерей – Ольгу Исаевну)⁶⁶.

Александр Борисович (Абрамович) Ельяшевич (1888) – сын известного отставного военного врача Авраама (Бориса) Акимовича (Иакимовича) Ельяшевича (1848-1934) с 1882 по 1901 г. служившего в Иркутске и после выхода на пенсию открывшего частную практику⁶⁷. Его старшая дочь – Мария Абрамовна Ельяшевич (1872/1876-1956) была с 1902 года за мужем за одним из сыновей И. М. Файнберга – Леонтием Исаевичем (1881-1922)⁶⁸. Проживал по Саломатовской улице, 38⁶⁹.

Азадовский Марк Константинович (1888) – сын Константина Иннокентьевича (Абрама Иосифовича) Азадовского, коллежского регистратора, чиновника горного ведомства. Двоюродный брат Гдалия Левенсона через свою тетку – Елизавету Иосифовну Азадовскую (1860-1930), мать Гдалия⁷⁰. Проживал на Мало-Блиновской улице, в доме Коршуновой⁷¹.

Воскобойников Давид-Гамия Янкелевич – вероятно, сын отставного унтер-офицера Янкеля Давыдовича Воскобойникова, в начале 1890-х занимавшегося виноторговлей⁷².

⁶⁶ Скаллер А. З. Дом на Медведниковской. Иркутск, 2008. С. 34; «Chronique Feinberg de ma famille»: письмо Andre Landesman в Иркутскую областную библиотеку от 30.09.1997, л. 3, 6.

⁶⁷ См. статью «Ельяшевич, Авраам (Борис) Акимович» в [Википедия](#).

⁶⁸ «Chronique Feinberg de ma famille»: письмо Andre Landesman в Иркутскую областную библиотеку от 30.09.1997, л. 4об, 7.

⁶⁹ Адрес-календарь Иркутска на 1901 г., С. 114. Сейчас улица Карла Либкнехта, 38 (?)

⁷⁰ См.: Чернохвостова-Левинсон Е. В. Иркутские купцы Левенсоны и их потомки. Hillsborough, 2015. С. 24.

⁷¹ Адрес-календарь Иркутска на 1901 г., С. 31. Сейчас ул. Чехова.

⁷² См., например: Иркутские губернские ведомости, 1891, № 38.

Не все из перечисленных были гимназистами⁷³. Однако, как видим, их объединяет национальность и, что особенно важно, принадлежность к одному социальному и имущественному кругу, либо родственные связи. Не случайно здесь приведены сведения и о месте жительства там, где оно может быть обнаружено, – среди них практически нет жителей предместий⁷⁴. Большинство – иркутяне во втором поколении, родившиеся в городе, либо переехавшие в него в раннем детстве. Никаких ссыльных. В общем, это «добропорядочные», «почтенные» и в меру известные семейства, с определенным финансовым и общественным «капиталом»⁷⁵.

На этом практически однородном фоне выделяются Гольдберг и Прусс. Второй, пожалуй, особенно. Владимир (Вольф, Вульф) Осипович Прусс (1883) – сын Иосифа Исааковича Прусса, уроженец и мещанин Витебской губернии, часовщик, который явно не был «местным» (не сибиряком) и, как кажется, не имел отношения к торговле. Также сомнительно, чтобы он был учеником классической гимназии, да и судьба его в ходе следствия сложилась совсем не так, как у остальных членов кружка.

Братья

Исаак Григорьевич (1884) – сын Григория (Герша) Ицковича Гольдберга – сосланного в Оёк за оскорбление помещика то ли словом, то ли действием⁷⁶ крестьянина (по сословию), а по роду занятий кузнеца из-под Минска – тоже не особенно вписывается в круг

⁷³ Собственно, в источниках указано, что учениками гимназии были Файнберги, Левенсон, Левенберг, Прейсман, Ельяшевич, Винер и Азадовский. Виник – ученик промышленного училища.

⁷⁴ Возможно, что и Виники жили не в Глазковой или Знаменском, а на ул. Луговой (сейчас ул. Марата), где у них в 1908 году имелось домовладение.

⁷⁵ С оговоркой относительно Воскобойникова. Сведения о том, что он занимался виноторговлей подчёрпнуты из объявлений суда, который в 1891 году разыскивал его за беспатентную виноторговлю.

⁷⁶ Забелин пишет: «вломил барину крепкое словцо, да прошел мимо не сгибаясь» (Путь..., 1971, С. 6), в то же время у Шиловского (видимо по данным архива Н. Яновского) читаем: «за "оскорбление действием" (нанесение побоев кувалдой) помещика». Сложно сказать могли ли отправить на поселение за брань или не отправить на каторгу за избивание кувалдой (!).

купеческих сыновей. Конечно, он мог состоять с кем-то из них в родстве, но подтверждений этому нет. Прямого отношения к гимназии Исаак также не имел, так как окончил пятиклассное городское училище (в 1903) и всего лишь готовился к сдаче экзаменов по гимназическому курсу, что было необходимо для получения аттестата, позволяющего поступить в университет. Однако, если мы непредвзято оценим факт его происхождения от «ссылного крестьянина-кузнеца», непременно отмечающийся во всех биографических справках, то увидим, что он выглядит скорее данью необходимой и обычной в советское время практике «пролетаризации». Герш Ицкович еще до 1903 года вернулся «в Россию», а в Иркутске остались его дети⁷⁷. Все они были записаны в мещанское сословие и отнюдь не бедствовали, о чем говорит хотя бы тот факт, что уплаченная родственниками сумма залога при его освобождении – 500 рублей⁷⁸ – была немалой. Купцами их, конечно, назвать нельзя, но и заурядными горожанами тоже.

Исаак Григорьевич ко времени описываемых событий был еще несовершеннолетним и проживал с семьей старшего брата Аарона в доме № 14 по Котельниковской улице⁷⁹. Аарон Григорьевич, родившийся в 1877, на рубеже веков был известен в Иркутске, как владелец слесарной мастерской, которая *«принимает в исправление разного рода машины: паровые, электрические, швейные, чулочные и т. п.; чугунные изделия, велосипеды, ружья, заводные игрушки,*

⁷⁷ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971 на стр. 6 пишет о пятерых сыновьях и дочери. По информации М. Г. Гольдберг-Орловой (праправнучки Г. И. Гольдберга) сыновей было шестеро, о их сестре никакой информации не имеет.

⁷⁸ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 14.

⁷⁹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 12. Сейчас ул. Фурье

зонты; проводит водопроводы, электрические звонки; лудит самовары и кастрюли»⁸⁰. Как видим, отцовская «кузнецкая» жилка у сына явно нашла свое развитие. В дальнейшем дело расширилось и с 1909 года в газетах и справочниках находим уже «Слесарно-механическую мастерскую и велосипедный магазин братьев Гольдберг» (Аарона и Льва), располагавшиеся в здании «Гранд-Отеля». Кроме слесарно-механических, электротехнических, токарных, никелировочных работ, здесь осуществлялись продажа и ремонт всевозможных машин (кассовых, пишущих, швейных, чулочных, вязальных, керасино-калильных фонарей), а также ремонт электротехнических установок, мотоциклов и автомобилей. Судя по количеству и регулярности рекламы успешной была торговля велосипедами и принадлежностями к ним, и их прокат⁸¹. С весны 1911 там же работает «Гараж братьев Гольдберг и А. Я. Круглого», предлагающий не просто прогулочные катания, а полноценные таксомоторные услуги с установленными расценками по городу и в предместьях, с возможностью заказать авто по телефону и зафрахтовать транспорт до Качуга, Усолья и даже Жигалово⁸². Таким образом, на протяжении десятка лет мы можем наблюдать уверенный рост интересного бизнеса, связанного с сервисным обслуживанием и эксплуатацией «плодов технического прогресса» и основанном на мастерстве

⁸⁰ См.: «Восточное обозрение», 1901, №№ 13, 14, 15, 17. В доме Юзефовича по 5-й Солдатской ул., № 5 (сейчас – ул. Богдана Хмельницкого).

⁸¹ См.: Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей: адресная справочная книга на 1909 год. - Иркутск : Изд. Е. Р. Бендер, 1909. – С. 142, 156 II отдела; Восточная заря, 1909, №№ 154, 178, 180, 202, 204; Восточная заря, 1910, №№ 49, 50, 55, 56, 61, 62, 67, 68, 72, 73, 78, 180. Располагалась мастерская в корпусе «Гранд-Отеля» по 6-й Солдатской в доме Тышковского (сейчас ул. Литвинова, 1).

⁸² Наша мысль, 1911, №№ 115, 116, 131; Сибирская мысль, 1911, №№ 145, 146, 150, 151, 155, 157, 159.

и знаниях владельцев. Однако, как кажется, к 1903 году он еще не был настолько выдающимся, чтобы младший член семейства Гольдбергов каким-то образом мог конвертировать его известность в отношении с детьми известных купцов. Так где же могли пересечься их пути? И вот тут мы приходим к другому старшему брату.

Иона Григорьевич (Евна Гершевич⁸³), жил в доме купчихи Поповой против Хлебного базара⁸⁴. В 1880-х он работал садовником в известном оранжерейном заведении (садоводстве) В. А. Арбатского⁸⁵, но после смены владельца занялся собственным делом: в 1893-1897 гг. в иркутских газетах можно встретить его рекламные объявления о продаже земли, семян садовых и огородных растений и цветов, услугах по пересадке растений⁸⁶. Однако, известен он был по другой причине: в 1897 г., для подачи прошения об открытии нового еврейского училища⁸⁷ общине было необходимо указать, кто будет преподавать собственно еврейские предметы. По свидетельству В. С. Войтинского и А. Я. Горнштейна: *«Для начального еврейского училища достаточен и меламед, имеющий установленное свидетельство. Но и такого в городе не оказалось. Случайно обратились к молодому человеку, занимавшемуся садоводством*

⁸³ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 6: «*дети, старшему из которых ... четыре десятка*». Следовательно Иона родился между 1863 и 1877 гг.

⁸⁴ Сейчас – ул. Чехова, 23.

⁸⁵ Садоводство и дом Владимира Александровича Арбатского располагались по ул. Адмиралтейской, 6, за Знаменским мужским монастырем (сейчас – начало ул. Ангарской). Было продано Арбатским «за отъездом» летом 1891 г. Василию Васильевичу Еличеву (см.: Восточное обозрение, 1891, №№ 22, 31). В 1897 г. продано последним Мечиславу Ивановичу Пауллеру (см.: Восточное обозрение, 1897, №№ 64, 134).

⁸⁶ См.: «Восточное обозрение», 1893, № 9, № 10; 1894, № 20; 1896, № 27; 1897, № 16.

⁸⁷ Освящение школы состоялось 14 декабря 1897 года (см.: Восточное обозрение, 1897, № 150, С. 1). Последовательно размещалась – в доме Домбровского и Лейбовича на 1-й Солдатской ул. (сейчас Красноармейской), потом на Арсенальской, 31 (Дзержинского), а с 1901 г. в собственном доме на углу Ланинской и Ямской (сейчас Ямская, 32).

(Иона Григорьевич Гольдберг), и он согласился сдать надлежащий экзамен и взять на себя преподавание еврейских предметов»⁸⁸. Таким образом, Иона Григорьевич стал меламедом и на протяжении двух десятков лет⁸⁹ преподавал мальчикам еврейский закон и иврит. Впрочем, его прикладные ботанические и агрономические навыки, также не пропадали втуне. Лето 1910 года, например, 22 ученика еврейского училища провели на даче у реки Каи, где: «...приступили к обработке огорода, эксплуатацией которого предполагается покрыть часть расходов по содержанию колонии ... Огородничество ведется под руководством другого учителя еврейского училища И. Г. Гольдберга, опытного цветовода и огородника»⁹⁰. Еврейское училище для мальчиков конечно не могло быть тем местом, где юный Исаак познакомился с членами «Братства», поскольку предназначено оно было для детей из неимущих еврейских семей, а все его члены к таковым не относились.

Но Иона Григорьевич Гольдберг был не только меламедом и садовником. Он был руководителем одного из двух сионистских обществ, действовавших в Иркутске как минимум с осени 1902 года⁹¹. Причем по данным Иркутского охранного отделения к лету 1903 года в нем состояло порядка пяти сотен членов⁹². Общество имело Устав, в котором кроме задач сбора средств для палестинских колоний и привлечения акционеров Еврейского колониального банка, значительное место уделялось вопросам пропаганды и вербовки новых членов и культурно-просветительской деятельности. В момент своего возникновения в Иркутске сионистские общества были хотя

⁸⁸ Евреи в Иркутске / В. С. Войтинский, А. Горнштейн. - Иркутск, 1915, С. 315.

⁸⁹ Горштейн и Войтинский в указ. соч., вышедшем в 1915 г. пишут «Одним из преподавателей еврейских предметов он состоит и теперь».

⁹⁰ Восточная заря, 1910, 27 мая (№ 118), С. 2.

⁹¹ Соломон Е. Ш. К истории сионистской организации Иркутска // Сибирский еврейский сборник. Вып. 2. Иркутск, 1996. С. 70-89.

⁹² Вероятно, эта цифра была преувеличением, однако членами второго кружка, руководимого часовым мастером Яковом Абрамовичем Шимановским, состояли 111 человек и в деле имеется их список.

и неформальными (т. е. не имевшими официальной регистрации), но вполне легальными общественными организациями. Однако, уже 1 июня 1903 года циркуляром № 6142 министра внутренних дел Плеве «О сионизме и еврейском национальном движении», правоохранительным органам предписывалось принятие таких мер, как: *«запрет пропаганды идей сионизма, прежде всего деятельности специальных агитаторов, так называемых «магидов», ... запрет уже существующих сионистских организаций и всяких сборов в их пользу»* и т. д., в связи с чем и возникло «Дело о сионистских кружках города Иркутска», открытое иркутской охранкой 10 июля 1903. Чем закончилось оно для Ионы Григорьевича, заставили ли его *«дать подписку об отказе от участия в сионистском движении»*, как того требовал циркуляр, – неизвестно, но и указанных фактов хватает, чтобы характеризовать его, как видного члена еврейской общины города, достаточно известного для того, чтобы члены семейства Гольдбергов могли считаться вовсе не рядовыми мещанами. Также не будет большой натяжкой предположить, и это косвенно подтверждает дальнейшее развитие событий, что все они в разной степени принимали участие в сионистском движении.

Кружок и журнал

Итак, что же собственно из себя представлял «противоправительственный гимназический нелегальный кружок "Братство"» и выпускаемый им журнал? При сопоставлении источников мы находим некоторую хронологическую и фактографическую путаницу, как кажется связанную с тем, что дружескую и родственную юношескую компанию рассматривали как какую-то оформившуюся организацию, а журнал – чуть ли не как ее печатный орган. Судя по всему, это было совсем не так.

Начать с того, что на самом деле не ясно, когда же он вообще возник и даже возник ли вообще. Из перехваченных охранкой писем Гдалия Левенсона знакомым (или родственникам) в Будапешт и Берлин создается впечатление, что примерно в июле 1903 года была предпринята попытка формализовать деятельность группы:

«Было несколько собраний нашей «братии», обсуждали программу действий на 1903–1904 учебный год. Выработали программы для самообразования на 1-й, 2-й и 3-й год. Думаем ... привлечь к развитию и других. С этой целью будем основывать кружки с нашей программой. Журнал будет издаваться месячными выпусками при новом, расширенном составе редакции. Будет несколько сотрудников в Чите, Томске и Красноярске. Журнал политический, литературный, научно-академического характера. Первый такой выпуск будет к 1-му сентября».

Однако уже в августе-сентябре стало ясно, что серьезную литературу изучать вместе никто не хочет и что этот планируемый, но и так и не созданный кружок может развалить саму кампанию:

«Но ты не можешь себе представить, как эта возможность, эта мысль ошеломила нас. Неужели наши дорогие субботние вечера, наши теплые рассуждения утрачены; мы не будем уже собираться и обмениваться нашими мыслями».

В результате решили, что кружок не нужен, достаточно, чтобы:

«у нас было нечто похожее на литературное общение между группой лиц, желающих развиваться, обсуждая при этом литературные рефераты и рефераты по еврейскому вопросу»⁹³.

⁹³ О.В. Ищенко. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алтайского гос. университета. Серия «История. Политология». Вып. 4/3. Барнаул, 2008. С. 103-110.

Письма Левенсона особенно интересны, ввиду того, что они сугубо частные и изложенные в них планы, скорее могли быть даже более радикальными, чем в действительности.

Протоколы допроса Гольдберга тоже весьма показательны:

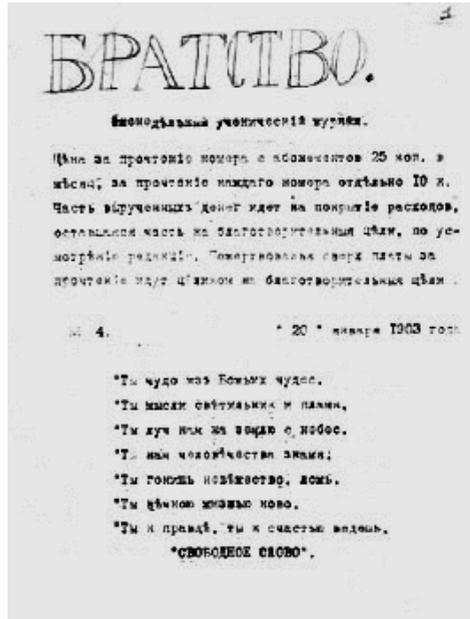
«По убеждениям своим я принадлежу к сионистскому движению – движению, поставившему целью... духовное возрождение еврейского народа и никакого отношения к социальным движениям в России не имеющему... Кружок, к которому я принадлежу, преследовал цели самообразования и состоял из близких мне людей, товарищей... кроме того, он не имел никакой организации, а носил чисто случайный характер, т.е. собравшись у кого-нибудь из товарищей, мы менялись мыслями по поводу прочитанных книг... читали еврейскую историю и следили за сионистским движением. Товарищи мои ... по своим убеждениям, как мне кажется, сионисты»⁹⁴.

Примерно то же показывали и другие привлеченные по делу участники. Собирались друг у друга или в синагоге – обсуждали рефераты по национальному вопросу, «на темы сионизма, учения Моисея, положения евреев в России и др.». Конечно же, в этой связи касались и революционного движения, не помышляя о переводе своих рассуждений в практическую плоскость.

Однако, кроме разговоров, писем о неосуществившихся планах и «теплых рассуждений», имелся еще и журнал. С ним тоже не все так очевидно. Начать с того, что расходятся данные даже о количестве номеров и начале издания. Ищенко указывает в качестве времени начала издания – лето 1903 года. Забелин относит мысль о создании

⁹⁴ О.В. Ищенко. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алтайского гос. университета. Серия «История. Политология». Вып. 4/3. Барнаул, 2008. С. 103-110.

журнала к маю 1903 г., когда на квартире Эльяшевича некоторые из членов компании (в том числе и Гольдберг) встретились с редактором «Восточного обозрения» И. И. Поповым и после разговоров о Горьком и «надвигающейся буре» решили действовать «Литературным словом и делом»⁹⁵. В статье Шиловского указывается (видимо на основании воспоминаний Эльяшевича)⁹⁶, что всего было выпущено 5 номеров. Первые три (февраль-апрель 1903)

размножались на гектографе, два последующих – на пишущей машинке в шести экземплярах. Периодичность, как видим, примерно ежемесячная. В то же время в 1967 году в иркутском альманахе «Ангара» появилась статья А. Г. Боннер, посвященная разбору нелегальных молодежных изданий начала века из фондов научной библиотеки Иркутского государственного университета⁹⁷. Среди прочих в ней описывается и единственный хранящийся в редком фонде библиотеки номер «Братства». И это № 4 от 20 января 1903 года, причем в подзаголовке прямо указана периодичность издания – еженедельно, что предполагает дату выхода первого номера не позднее вторника 30 декабря 1902 года.

⁹⁵ 2.5.1903 (день после Пасхи). См.: Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 8.

⁹⁶ Шиловский М. В. Литературный псевдоним Irgidens. Исаак Григорьевич Гольдберг // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Новосибирск, 2007. С. 173-179.

⁹⁷ Боннер А. Г. Как восстали иркутские семинаристы // Ангара, 1967, № 6, С. 59-62. К сожалению, не приведена информация о происхождении этого, вне всякого сомнения, исключительно раритетного экземпляра и источнике поступления его в библиотеку.

Возможно эти отпечатанные на машинке 21 лист совсем другой журнал? Ведь, кто скрывается в нем под псевдонимами «Утис» (редактор и один из авторов) и другие – неизвестно. Неочевидно даже, что это журнал именно мужской гимназии, поскольку в нем присутствует статья «Падшая» о неравноправии полов и его социальных последствиях за подписью Елены Ангарской. Есть, однако, несколько моментов, которые развеивают сомнения. В этом сохранившемся номере «Братства» подробно освещается «Дело Дрейфуса», и что еще более характерно – помещено стихотворение «Призыв», посвященное «настоящим сионистам»⁹⁸. Таким образом, общее число выпусков можно принять равным девяти, а хронологические рамки их выхода – с декабря 1902 по ноябрь 1903 года⁹⁹.

Понятно, что журнал как таковой не был и не мог быть сионистским. Беллетристика с социальным уклоном («Веселая улица» того же Гольдберга¹⁰⁰, «Мысли будущего купца» Воскобойникова¹⁰¹, фелетон «Господа Вомуры (подражание "Господам Обмановым")» Утиса, обличающий директора гимназии Румова¹⁰²), публицистика («Падшая» Е. Ангарской, «О движении в средней школе»), воспроизведение статей из газет с теми новостями, о которых больше всего говорили вокруг (о том же «Деле Дрейфуса», о пожаре на Анненском руднике Н. Л. Успенского в Юзовке¹⁰³, о Кишиневском погроме¹⁰⁴), привлечение в качестве авторов учащихся других заведений – все это говорит о том, что ребятам, росшим в атмосфере национального, но прежде всего культурно-просветительского

⁹⁸ «Старый и новый Иркутск в рукописях...» (<http://www.manus.baikal.ru/rus/ruk07.htm>).

⁹⁹ Та же цифра в кн.: Боннер А. Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 44.

¹⁰⁰ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 9.

¹⁰¹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 5.

¹⁰² Боннер А. Г. Как востали иркутские семинаристы // Ангара, 1967, № 6, С. 59.

¹⁰³ Пожар на руднике Н. Л. Успенского (Успенский, Анненский рудник) в Юзовке (сейчас район Донецка) — пожар в шахте «Анна» Успенского рудника в ночь с 13 на 14 декабря 1902 года, в результате которого погибло от 58 до 88 человек.

¹⁰⁴ Кишиневский погром – 6-7.04.1903. Убито ок. 50 чел., ранено ок. 600.

подъема, хотелось сделать интересный журнал не для себя, а для «публики». И примеры для подражания у гимназистов были. Ученический и – шире – молодежный «самиздат» в Иркутске к тому времени имел уже некоторую историю. Только лишь перечень таких журналов, ходивших в молодежной среде в начале XX века, дает представление о масштабах «поветрия»: «Порыв», «Семинарский вестник», «Свисток», «Забастовка», «Студент», «Крамола», «Отголоски борьбы», «Окраина». Во многом здесь, видимо, сказало влияние ссыльных студентов – участников волнений 1901-1902 годов, в массовом порядке высылавшихся в Сибирь¹⁰⁵.

Но даже «рискованный» эпитаф № 4 «Братства»:

«Ты чудо из божьих чудес / Ты мысли светильник и пламя

Ты луч нам на землю с небес / Ты нам человечества знамя;

Ты гонишь невежество, ложь / Ты вечную жизнь нову

Ты к правде, ты к счастью ведешь / Свободное слово»¹⁰⁶

не делал его «антиправительственным».

Что собственно и показало следствие. Самой большой «крамолы» была заключительная часть статьи о Кишиневском погроме:

«Виновником всего, виновником, на которого падает кровь избитых... является правительство», допустившее погром: «желая отвлечь гнев народа, который должен был вылиться на самодержавие, так ужасно притеснявшее народ ... Чаша страданий народа переполнилась. Кишиневский погром показал, чего можно

¹⁰⁵ Рудых, З. С. Пропагандистская деятельность ссыльных студентов в Иркутской губернии в 1902-1903 гг. // Сибирь, 1972, № 5, С. 111-114.

¹⁰⁶ Боннер А. Г. Как восстали иркутские семинаристы // Ангара, 1967, № 6, С. 59.

ожидать от вас (царя и министров), и недалеко та минута, когда народ подыметя на истинных своих эксплуататоров, и эту минуту вам не отвергнуть. У всех перед глазами кровь тысячи убитых и вы должны за них ответить!».

Определенная тематическая радикализация конечно наблюдалась, но она была связана с происходящими в стране и мире событиями (тот же Кишеневский погром), которые дополнялись изменениями в отношениях еврейской общины с местными властями летом 1903 года. Например, назначенный 24 мая генерал-губернатором Восточной Сибири граф П. И. Кутайсов, едва ли не по прибытию своему в город издает циркуляр, «*воспрецававший евреям именовать себя в прошениях и других официальных бумагах, а также на вывесках христианскими именами*»¹⁰⁷. Запрет деятельности сионистских обществ, сопровождавшийся обысками и даже арестами в июле-августе¹⁰⁸ также не способствовал нормальной психологической обстановке в еврейской общине города.

Также нужно упомянуть и о том, что в период возникновения кружка и журнала в мужской гимназии преподавал небезызвестный Антон Михайлович Станиловский – молодой консерватор музея и фактический правитель дел ВСОИРГО, активный сотрудник знаменитой «Детской площадки», превративший дело чтения публичных лекций чуть ли не в народный университет, чье педагогическое кредо выражалось фразами:

«Что такое всякое образование? Это развитие в человеке способности видеть кругом себя, понимать, что вокруг него делается,

¹⁰⁷ Войтинский В. С., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 140.

¹⁰⁸ Соломон Е. Ш. К истории сионистской организации Иркутска // Сибирский еврейский сборник. Вып. 2. Иркутск, 1996. С. 70-89.

*и собразовать свое поведение с этой окружающей обстановкой. Цель всякого воспитания – научить понимать окружающее»*¹⁰⁹.

23 июля 1903 года у него также был произведен обыск¹¹⁰, а по приезду Кутайсова и по его личному распоряжению Станиловский был отстранен от преподавания в гимназии и от организационной работы в отделе географического общества.

Все это, естественно, особенно болезненно воспринималось образованной молодежью, поскольку было и «несправедливо» и прямо касалось их самих и близких им людей.

Участников кружка брали в разное время. В ночь с 3 на 4 декабря – Гольдберга¹¹¹ и Прусса¹¹², с 10 на 11 декабря – обыски у Левенсона, братьев Файнбергов, Левенберга, Ельяшевича, Прейсмана, Винера, Азадовского и Виника¹¹³. В результате расследования почти все были довольно скоро отпущены *«за чистосердечное признание, несовершеннолетний возраст и отсутствие оснований»* и, вероятно, под залог. Надо полагать, что ничего кроме самодеятельного журнала предъявить им было нечего. Тем не менее Левенсон, Ельяшевич и еще двое¹¹⁴ были исключены из мужской гимназии, а Виник – из промышленного училища.

Хуже всех пришлось Прусу. Он провел под следствием почти год и был выпущен из Иркутского тюремного замка лишь в конце ноября 1904 года «за недостаточностью улик и в силу Манифеста

¹⁰⁹ Записки А. М. Станиловского с биографическим его очерком. Иркутск, 1912. С. XLIII.

¹¹⁰ Соломон Е. Ш. К истории сионистской организации Иркутска // Сибирский еврейский сборник. Вып. 2. Иркутск, 1996. С. 70-89. Из статьи не совсем понятно производился ли обыск у Станиловского в связи с делом о сионистских кружках или это совпадение.

¹¹¹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 5.

¹¹² Фалалеев Г. М. «Семья Прусс. Отец» // <http://www.proza.ru/2010/07/22/1360>.

¹¹³ О. В. Ищенко. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алт. Гос. ун-та. Серия «История. Политология». Вып. 4/3. Барнаул, 2008. С. 103-110. О дате возможного ареста Воскобойникова и Лонциха сведений нет.

¹¹⁴ Один из них, возможно, Моисей Файнберг.

от 11 августа 1904 года (день рождения престолонаследника)». В общем – попал под амнистию. Дело было видимо в том, что у него при аресте изъяли внушительный корпус нелегальной литературы («Рассказы по истории Французской революции» и «Национальное собрание и ночь 4-го августа», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Милитаризм и рабочий класс» изданные Лигой Русской революционной социал-демократии, «Вопросы дня», перепечатки из «Искры», №№ 4, 6 за 1903 год и т. д.), что в глазах жандармов характеризовало его не как случайно оступившегося юнца, а вполне сформировавшегося социал-демократа. Кроме того, как указывалось выше, он не был местным и возможно просто не имел возможности внести залог¹¹⁵.

Исаак Григорьевич тоже «задержался» в тюрьме несколько дольше остальных и вышел лишь в начале января 1904 года, как уже было сказано, под залог в 500 рублей¹¹⁶. При обыске у него, кроме пары номеров «Братства» обнаружили нелегальные издания – запрещенную брошюру «Сказание о царе Симеоне»¹¹⁷, и извещение заграничного Общества распространения нелегальной литературы в России¹¹⁸.

Провести в неполных двадцать лет целый месяц в тюрьме по сути за разговоры и хранение одной запрещенной книги, после чего попасть под негласный надзор, да еще и лишиться права поступления

¹¹⁵ Фалалеев Г. М. «Семья Прусс. Отец» // <http://www.proza.ru/2010/07/22/1360>.

¹¹⁶ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971 на стр. 14 пишет, что залог внесла его сестра.

¹¹⁷ Пропагандистская антимоноархическая сказка Ф. В. Волховского (1846-1914), революционера, литератора. С 1873 член кружка «чайковцев». В 1878-89 в ссылке в Сибири, затем в эмиграции, один из учредителей «Фонда вольной русской прессы». Эсер.

¹¹⁸ Одним из способов переправки социал-демократами запрещенной литературы (в т ч. «Искры») из-за границы была рассылка таких извещений по случайным адресам с просьбой отправить заявку, если получателя это заинтересует. Забелин пишет, что Гольдберг получил такое извещение летом 1902 года. Возможно, именно так к нему и попало «Сказание о царе Симеоне». О технологии распространения см.: Из донесения начальника Бессарабского ГЖУ в Департамент полиции, 7 июня 1902 года // Красный архив.1940. № 6 (103). С. 9.

в высшее учебное заведение, дающее возможность строить карьеру, – это был обычный по тем временам первый шаг на пути «в революцию». И шаг этот во многом, как кажется, помогало делать само государство. Хотя нельзя не учитывать и того, что практически на выходе из тюрьмы молодых людей уже поджидали ссыльные «старики» (не обязательно в смысле возраста) из бывших народников или нынешних социал-демократов и социалистов-революционеров, а в Иркутске их было достаточно. Поэтому совсем неудивительно, что судьба большинства членов «Братства» сложилась во многом схоже и в ближайшие годы мы неоднократно встречаем их вместе¹¹⁹. То есть можно сказать, что «кружок» никуда не исчез, а стал лишь сплоченней.

После «Братства»

В стороне вновь оказался Владимир Осипович Прусс. Почти сразу же после выхода из тюрьмы, 15 декабря 1904 он выехал из Иркутска в Витебск, в 1905 эмигрировал в Швейцарию, где проживая в Берне, обзавелся часовой мастерской, которую в 1910-1914 годах частенько по-дружески навещал адвокат Владимир Ульянов, более известный под партийной кличкой Ленин. В 1925 году он переедет в СССР, будет заниматься организацией часового производства (в частности 1-го часового завода в Москве). *«Через несколько лет, когда десятки миллионов часов с маркой Точмеха дадут нам наши фабрики, мы будем печатать портреты ма-*

¹¹⁹ Не удалось обнаружить упоминаний только о Винике.

стера Прусса, как одного из основоположников советского часового производства», напишет 16 сентября 1929 года газета «Рабочая Москва». 23 августа 1937 года он будет арестован и 8 декабря того же года расстрелян как германский шпион¹²⁰.

Ученику V класса мужской гимназии Азадовскому 15 лет исполнилось прямо во время следствия – 18 декабря 1903 года. После произошедших событий отец увез его в Хабаровск и это, пожалуй, было единственно верным решением. Благодаря этой принудительной изоляции от кружка, Марк в 1907 году спокойно получит свидетельство о благонадежности¹²¹, поступит в Петербургский университет и в 1913 успешно окончит его, чтобы возвратиться в Сибирь уже ученым – этнографом, литературоведом и фольклористом. Он станет профессором Томского (1918-1921) и Иркутского (1923-1930, 1942-1945) университетов, зав. кафедрой фольклора в ЛГУ, руководителем фольклорных отделений Государственного института истории искусств, Института по изучению народов СССР, Института русской литературы. В 1949 попадет под кампанию борьбы с космополитизмом, будет уволен практически отовсюду и умрет в 1954. С Гольдбергом его по-видимому связывала настоящая дружба, которую они пронесли через всю жизнь. Например, сохранился их совместный снимок¹²², периода 1913-1915 гг., когда Марк Константинович был в Иркутске по делам экспедиций, направленных в Восточную Сибирь Академией наук и Императорским русским географическим обществом. Он же познакомит Гольдберга с его будущей женой – Любовью Ивановной Исаковой¹²³.

¹²⁰ Фалалеев Г. М. «Семья Прусс. Отец» // <http://www.proza.ru/2010/07/22/1360> и база данных «Жертвы политического террора в СССР» (<http://lists.memo.ru>).

¹²¹ Чернохвостова-Левинсон Е. В. Иркутские купцы Левенсоны и их потомки, 2015. С. 65

¹²² Опубликован в ангарской газете «Знамя коммунизма», 1970, 10 янв., С. 2.

¹²³ Мамаева К., Мути В. Повесть о писателе Гольдберге // «Знамя коммунизма» (Ангарск), 1970, 10 янв., С. 2.

Также в 1904 году из Иркутская в Париж уехал Моисей Исаевич Файнберг, вернувшийся в Россию не ранее 1914 г¹²⁴.

Оставшиеся в Иркутске члены кружка уже в 1904 году попали под влияние ссыльных эсеров (А. Карташовой, А. Трутнева, Г. Фриденсона), которые как раз в это время начали активизировать свою агитационную деятельность в ученической среде, делая ставку на подготовку «салонных ораторов» - будущих пропагандистов. По данным полиции весной этого года происходило *«волнение среди воспитанников VII и VIII классов мужской гимназии, причем в апреле месяце 1904 года даже состоялась сходка, на которой присутствовало около 70 человек, и было решено примкнуть к политическому движению»*¹²⁵. Собрание это, между прочим, происходило на кайской даче купца Файнберга¹²⁶, который весьма снисходи-

¹²⁴ «Chronique Feinberg de ma famille»: письмо Andre Landesman в Иркутскую областную библиотеку от 30.09.1997, л. 3об.

¹²⁵ Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг., 1908. С. 60.

¹²⁶ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940. Иркутск, 2003. С. 160.

тельно относился к тому, что его дети и их друзья увлечены политикой. Выплачивая в очередной раз залог за сыновей он «смеясь говорил: "Они хотят заставить Николая [III] кувыркаться!"»¹²⁷. По воспоминаниям Ельяшевича – он, Гольберг и Файнберги вступили в ПСР. Известна даже партийная кличка Исаака – «Пастух»¹²⁸.

Находившиеся под негласным надзором члены «Братства» к концу года вновь подверглись месячному аресту и опять были отпущены¹²⁹. Вполне возможно, что причиной расследования была первая в городе попытка организовать еврейскую самооборону, так как «в связи с предстоявшим празднованием столетия открытия мощей святителя Иннокентия¹³⁰ шли упорные толки о подготавливаемом к времени торжеств прославления иркутского «чудотворца» еврейском погроме»¹³¹. То, что речь идет не об эсеровской, а именно еврейской самообороне не должно нас смущать: в тех обстоятельствах люди действовали в соответствии с ними и своим кругом общения, а вовсе не следовали программным установкам. И в дальнейшем иногда сложно определить в каком конкретно нелегальном сообществе состоит в тот или иной момент времени конкретный человек.

Так наступил и перевалил за свою половину 1905, революционный год. За прошедшее время не исключенные из гимназии кружковцы успешно закончили ее, нашедшие возможность сдать экзамен на аттестат – сдали и уехали поступать в высшие учебные заведения в других городах Империи. Братья Павел и Самуил Файнберги –

¹²⁷ «Chronique Feinberg de ma famille»: письмо Andre Landesman в Иркутскую областную библиотеку от 30.09.1997, л. 4об. В оригинале фраза звучит даже жестче: *Leur père Isaïe Matveevich les "rachètait" pour 200 ou 300 roubles et disait en riant: "Ils veulent mettre Nicolas cul par-dessus tête!"*

¹²⁸ Забелин П. Под гласным надзором // Вост.-Сиб. правда, 1967, 19 февр. (№ 43). С. 4.

¹²⁹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 15.

¹³⁰ Празднования проходили 2-9 февраля 1905 года.

¹³¹ Гольдберг И. Г. То, что вспомнилось // Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 222.

стали студентами Томского, Левенберг – Петербургского университетов, а Ельяшевич – Петербургского политехнического института. Тем не менее в октябре 1905 большинство из них оказались в Иркутске, чтобы вместе принять участие в том, к чему вела и подталкивала их история на протяжении трех предыдущих лет.

В дни Всероссийской октябрьской политической стачки, когда противостояние внутри российского общества стало приобретать первый привкус разразившейся десятилетием позже гражданской войны, левые активисты стали организовывать дружины самообороны. И первой из них стала еврейская, что было вызвано упорными слухами о готовящихся черносотенных погромах. Художественное, но вполне достоверное описание процесса формирования дружины дает Исаак Григорьевич в романе «День разгорается»:

«— Там наша еврейская молодежь... — неохотно сообщил Вайнберг, — суется что-то насчет самообороны... Но я и другие члены общины сомневаемся. Не озлобило бы это еще сильнее...»

— Нет, почему же! — глубокомысленно заметил Пал Палыч. — Самооборона — вещь хорошая. Ее надо поощрять.

— Да?! — оживился Вайнберг. — Вы думаете? Некоторые наши тоже так понимают... Я эти молодые люди настаивают. Требуют средств. На оружие там и вообще.

... купцам в достаточной степени грозили предстоящие события: чернь любила взламывать магазины, грабить и растаскивать товары. Представители самообороны стали обходить еврейских богачей.

У Вайнберга в городе было несколько магазинов. Ему было чего бояться в случае погрома и беспорядков. От него ждали большой денежной поддержки.

— Деньги? — удивился он. — За что? Почему?.. Я должен кому-нибудь. Я кому-нибудь обещал?.. Я никому не должен и никому ничего не обещал. Деньги легко не достаются... Ну пятьдесят, сто рублей я еще, пожалуй, дам. Но больше нет, больше не могу!..

— Вы шутите, господин Вайнберг. Сто рублей не деньги. Нам нужны хорошие револьверы. Имеется случай приобрести их... Ведь мы будем защищать ваше же имущество!

— Оставьте! Что могут поделат несколько десятков еврейских молодых людей?

... Другие оказались более сговорчивыми. Самооборона получила небольшую поддержку. Где-то добыли десятка три револьверов.

... к Вайнбергу снова обратились за помощью самообороне и рассказали ему, что самооборона растет и что из нее выйдет толк, он переменял прежнее свое решение.

— Да, может быть самооборона ваша действительно вещь. Согласен. Пусть и мой карман пострадает... Но я боюсь, что когда станут громить мои и ваши магазины, то эти паскудники вспомнят о социализме и умоют руки!

— О, нет! — уверили Вайнберга еврейские купцы. — Ведь они будут защищать евреев! Вообще евреев!.. И, кроме, мы даем деньги!..»¹³².

¹³² Гольдберг И. Г. День разгорается // Новая Сибирь, 1935, № 1, С. 34, 35-36.

Конечно, купец Вайнберг – это не «вчистую» Исай Матвеевич Файнберг, он – сборный персонаж, но поведение его здесь достаточно характерно. Также достоверным является то, что организацией самообороны занялась именно молодежь. На начальном этапе процесс был децентрализован, а во главе одной из образовавшихся ячеек стоял студент Томского университета Исай Григорьевич Винер – старший брат члена «Братства» Якова, в 1903 году закончивший Иркутскую мужскую гимназию с золотой медалью¹³³. Увы, не долго.

Утром 17 октября 1905 года Гольдберг и Самуил Файнберг находились на квартире Винеров, когда прибежал кто-то из дружинников и сообщил, что у здания управления Забайкальской железной дороги (располагавшегося в дома Кузнеца), где был назначен очередной митинг, явно затевается столкновение. Дом Винеров располагался буквально в нескольких кварталах¹³⁴, и «самооборона» 19-21 года от роду бросилась месту предполагаемых беспорядков. Причем братья Винеры направились к Дому Кузнеца по Графо-Кутайсовской¹³⁵, а Гольдберг и Файнберг – по Большой¹³⁶. Винеры достигли дома Кузнеца первыми, ввязались в драку и были забиты «рабочедомцами» и мясниками с Хлебного рынка.

Когда Гольдберг и Файнберг добежали до места происшествия солдаты уже разогнали толпу. Сложно представить себе потрясение молодых людей от гибели друзей и, возможно не сразу, но пришедшего, осознания того факта, что выбери маршрут по Графо-Кутайсовской они – на мерзлой земле сейчас лежали бы их окровавленные тела.

¹³³ Восточное обозрение, 1903, 3 июня (№ 124), С. 2. На момент событий ему был 21 год.

¹³⁴ На ул. 5-й Солдатской (Богдана Хмельницкого).

¹³⁵ Ул. Дзержинского

¹³⁶ Ул. Карла Маркса.

Устроив (под угрозой револьвера) раненых братьев в лечебницу Фон-Бергмана, Гольдберг до конца дня будет участвовать охране митинга в городском театре и последовавших за ним вечерних столкновениях на Большой улице, а уже на следующий день (в ночь на 19 октября) будет арестован вместе с другими членами эсеровской дружины¹³⁷ на квартире Г. М. Фриденсона – одного из руководителей иркутского отделения ПСР. Здесь мы видим всю аморфность организаций самообороны на начальном этапе: Файнберг и Гольдберг – эсеры, однако первое «боевое крещение» они получают в сионистской группе. Просто потому, что там были их друзья. Из тюрьмы их освободит лишь известие о высочайшем Манифесте 17 октября, достигшее Иркутска 22-го¹³⁸.

Похороны Якова (23 октября) и Исаия Винеров (25 октября), на которых не мог не присутствовать Исаак Григорьевич, превратились

¹³⁷ В тот же день и, возможно, там же арестованы его брат Аарон и Лончих. См.: Иовлев В. Вихри враждебные // Русский Восток, 2000, № 43.

¹³⁸ События 17-22 октября 1905 года излагаются на основании воспоминаний: Гольдберг И. Г. То, что вспомнилось // Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 207-218.

в настоящие манифестации. Особенно это касалось Исаия Григорьевича. Длинное перечисление несомых перед гробом венков открывалось громадным венком от сионистов, *«за ним — от местных комитетов партий с.-р. и с.-д., затем — от евреев г. Иркутска, от еврейского училища, от товарищей революционеров, от объединенного стачечного комитета всеобщей политической забастовки»* и т. д. После надгробного слова раввина С. Х. Бейлина, выступавший от лица сионистов Красносельский сказал: *«Вы, христиане, в лице И. Виннера потеряли только борца. Мы, евреи, потеряли в нем учителя»*. С речами также выступили Самуил Файнберг и.. старший брат Исаака Григорьевича – Аарон Гольдберг, который *«произвел глубокое впечатление на присутствующих передачей трогательной легенды о братьях Маккавеях и их матери»*¹³⁹.

В день официального объявления манифеста произойдет еще одна трагедия, имеющая косвенное отношение к «Братству» – в ночь на 23 октября в ресторане «Россия» за отказ встать при исполнении «Боже, Царя храни!» железнодорожным санитаром-дезинфектором Т. В. Шемолиным¹⁴⁰ будет застрелен А. М. Станиловский, преподававший, как уже было сказано, в мужской гимназии в 1901-1903 гг. Гольдберг мог его и не знать, а вот для бывших гимназистов его смерть, да еще при таких обстоятельствах, думается, стала дополнительным подтверждением того, что с «темными силами невежества и старого порядка», «враждебными вихрями выющимися» над «лучшими интеллигентными силами, выступающими за правду и свободу», можно справиться только насилием.

Эти столкновения и первые смерти стали «катализатором» процесса формирования дружин, их централизации и даже создания

¹³⁹ День похорон // Восточное обозрение, 1905, 28 окт. (№ 236), С. 2.

¹⁴⁰ Или Шимолиным. См.: Восточное обозрение, 1905, 30 окт. (№ 238), С. 2.

единого штаба. Ноябрь-декабрь 1905 – время активной деятельности дружин, фактически принявших на себя функции охраны общественного порядка в городе, а не просто охрану митингов от провокаторов и хулиганов – ими осуществлялось регулярное ночное патрулирование улиц, охота за «кошевичниками» и даже производство арестов с последующей передачей задержанных «властям». В составе и руководстве дружин мы встречаем знакомые фамилии: член «Братства» М. М. Прейсман – руководитель эсеровской дружины из 90 человек¹⁴¹, А. Г. Гольдберг – руководитель одного из четырех отрядов дружины социал-демократов¹⁴², Лонцих – запечатлен на групповой фотографии членов еврейской дружины, хранящейся в ГА РФ¹⁴³.

¹⁴¹ Серебrenников И. П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 гг.: дисс. к. и. н., 2000. С. 87.

¹⁴² Терновая И. Готовясь к сражениям // Советская молодежь, 1980, № 149 (13 дек.), С. 3; Серебrenников И. П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 гг.: дисс. к. и. н. Иркутск, 2000. С. 87

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 533 (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев). Оп. 6 (Фотографии 1870-1930 гг.). Д. 5356 «Групповой снимок (19 человек): Жилкин Кириллов Г. Косицын Лонцих Никифоров С. П. Симонов Тышкович и др. (еврейская самооборона в г. Иркутске с участием группы с-д винтовочников), 1905».

И мы по-прежнему продолжаем отмечать размытость «партийных границ»: на фотографии еврейской дружины присутствуют социал-демократы, а Исаак Гольдберг, член эсеровского отряда, принимает активное участие в поисках и последовавшем аресте убийцы братьев Винер – мясника Ф. Ульянова, организованного еврейской самообороной¹⁴⁴.

К концу декабря революция закончилась. Как только началась демобилизация запасных, которые составляли наиболее опасную для властей силу, и в город прибыли не разложившиеся 5-й Иркутский и 6-й Енисейский полки 2-й Сибирской дивизии, а с востока и запада по Транссибу двинулись карательные поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампа, началось «закручивание гаек». После покушения на жизнь вице-губернатора В. А. Мишина (23 декабря) и убийства исполняющего дела полицмейстера А. П. Драгомирова (26 декабря), ответственность за которые взяла на себя боевая организация ПСР, город был объявлен на положении чрезвычайной охраны и начались аресты. Самый массовый был произведен в ночь на 1 января 1906 года, когда на Детской площадке было арестовано около 300 человек, собравшихся «встречать Новый Год»¹⁴⁵.

Наших знакомых нет в списке приговоренных к срокам до 3 месяцев нарушителей пункта обязательного постановления о запрете собраний¹⁴⁶, однако мы находим кое-кого из них в Постановлении временного генерал-губернатора Иркутского и Балаганского уездов Иркутской губернии от 3 февраля 1906. За нарушения пункта о запрете на хранение и ношение огнестрельного и холодного оружия:

¹⁴⁴ Гольдберг И. Г. То, что вспомнилось // Сибирские огни, 1925, № 4-5, С. 225-226.

¹⁴⁵ Вендрих Г. А. 1905 год в Иркутске. Иркутск, 1955. С. 46.

¹⁴⁶ Список арестованных 31.12.1905 г. см.: Восточное обозрение, 1906, 10 янв. (№ 7), С. 1.

«подвергаются тюремному заключению со дня ареста сроком на три месяца: сын купца Яков Лонцих, крестьянин Эдуард Александров Левенберг ... мещанин Исаак Гершев Гольдберг ... На два месяца: мещанин Аарон Гершев Гольдберг»¹⁴⁷.

Правда, это еще не означало, что они были арестованы. Сначала их нужно было найти. Например, Исаак Григорьевич уже находился в Чите, куда в декабре по разным причинам выехали многие иркутяне – кто делегатом на съезд, а кто и за вагоном с винтовками¹⁴⁸.

Чуть позже в постановлении исполняющего обязанности Иркутского военного генерал-губернатора от 3 июня 1906 года читаем:

«...мещанам ... Давиду-Гершу Янкелеву Воскобойникову, ... сыну купца Гдалию Абрамову Левенсону по освобождении из-под стражи воспрещается пребывание в уездах объявленных на военном положении в пределах Иркутского генерал-губернаторства на весь срок действия этого положения»¹⁴⁹.

На выезд перечисленным давалось 3 дня.

Судьба кружковцев

По-разному сложилась судьба оставшихся членов «Братства».

Гдалией Левенсон, высланный за пределы губернии летом 1906 года уже 28 августа того же года участвовал в вооруженном налете («эксе») на учетно-ссудный банк в Белой Церкви под Киевом, организованного то ли эсерами, то ли киевской группой анархистов-

¹⁴⁷ Постановление опубликовано в газетах: Иркутские губернские ведомости, 1906, 4 февр. (№4269), С. 1; Сибирское обозрение, 1906, 7 февр. (№3), С. 1.

¹⁴⁸ См.: Локуциевский В. Воспоминания о 1905 году // Сиб. огни, 1935, № 6, С. 138-145.

¹⁴⁹ Иркутские губернские ведомости, 1906, 4 июня (№ 4369), С. 2.

коммунистов «Черное знамя»¹⁵⁰. С убийством посетителя и городского. В возникшей погоне и перестрелке с полицией «настигаемый грабитель Левинсон застрелился»¹⁵¹.

Павел Файнберг вошел в «боевку» (Боевую Организацию) Иркутского комитета ПСР, которая начала готовить покушение на генерала Ренненкампа, но была раскрыта и арестована в ночь на 13 сентября 1906 года¹⁵². Не прошло и месяца, как группа из 28 политических и 17 уголовных заключенных 9 октября 1906 организовала массовый побег из Иркутской тюрьмы с избиением и убийством надзирателей. В ходе подавления бунта и погони за беглецами было убито 9 и ранено 2 арестанта. Одним из раненых был Павел Исаевич¹⁵³. 12 октября он скончался. В 1907 году его отец оплатив установку каменной ограды вокруг еврейского кладбища на одном из входных обелисков заказал надпись (утраченную в процессе реконструкции ворот кладбища в 2005 г.): «Каменная ограда вокруг кладбища сооружена в лето 1907 г. на средства потомственного почетного гражданина Исая Матвеевича Файнберга в память его сына студента Павла умершего от ран 9-го октября 1906 г»¹⁵⁴.

По тому же делу, кстати, утром 18 сентября арестовали Меера (Михаила) Абрамовича Левенсона – брата Гдалия, который характеризовался охранкой как «видный член организации и инициатор предполагавшихся грабежей на революционные цели». При ставшем таким несчастливым для Павла Файнберга побеге из тюрьмы ему удалось скрыться и эмигрировать в Женеву, откуда он вернется

¹⁵⁰ Про анархо-коммунистов только сетевой документ, без ссылки на первоисточник: <http://www.s-a-u.org/history/anarchy/1028-anarchist-chronograph-september-part-1.html>.

¹⁵¹ Речь, 1906, 29 и 30 авг.; Чернохостова-Левинсон Е. В. Иркутские купцы Левенсоны и их потомки. Hillsborough, 2015. С. 64-66.

¹⁵² Серебренников И. П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 гг.: дисс. к. и. н. Иркутск, 2000. С. 100-103.

¹⁵³ Двадцать лет назад // Красный архив, 1926, Т. 19. С. 212-

¹⁵⁴ Скаллер А. З. Дом на Медведниковской. Иркутск, 2008. С. 35.

после февраля 1917. Был членом Президиума Петросовета, штаба обороны Петрограда, ВЦИКа; присоединился к фракции левых эсеров. В 1918 году вернулся в Иркутск, был лидером подпольной группы «Сибирские эсеры». В 1920 вступил в ВКП(б). В 1920-1923 работал в РКИ, потом в Госторге. В 1929-1935 гг. торгпред СССР в Италии, 1935-1936 председатель правления Торгсина. С января 1936 – заместитель наркома внутренней торговли СССР. В конце 1936 года был арестован. Расстрелян 22 августа 1938 года в Лефортово¹⁵⁵.

Самуил Файнберг также стал членом эсеровской боевой организации, забросил учебу в Томском университете, выехал в Россию и 19 июля 1907 года был арестован за подготовку покушения на военного министра Редигера. До февраля 1917 года сидел по разным тюрьмам, освобожден из Александровского центра и в 1917-1920 гг. был кандидатом в члены Всесибирского комитета ПСР в октябре 1918, член ЦК, Сибкрайкома и Иркутского комитета ПСР в 1919. После прихода 5 Армии выехал в Дальневосточную республику, а в конце июня 1921 года при возвращении из ДВР был арестован и расстрелян большевиками в Мысовске (Бабушкин)¹⁵⁶.

Александр Ельяшевич уехал из Иркутска в сентябре 1905 и поступил на экономический факультет Петербургского политехнического института, продолжал действовать в качестве активного

¹⁵⁵ Чернохостова-Левинсон Е. В. Иркутские купцы Левенсоны и их потомки, 2015. С. 67-71.

¹⁵⁶ «Chronique Feinberg de ma famille»: письмо Andre Landesman в Иркутскую областную библиотеку от 30.09.1997, л. 5-5об.; Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. Омск, 2004. С. 327, 382; Струк Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму Колчака А. В. в Восточной Сибири: дис. ... к. и. н. Иркутск, 2000. С. 82. О гибели С. И. Файнберга упоминает и сам И. Г. Гольдберг в «Листках о 1905 годе», возможно ошибаясь в датировке его гибели: «С. И. Файнберг (позже пошедший на каторгу за покушение в Петербурге на военного министра ген. Редигера, освобожденный из каторги революцией 17-го года и погибший в 1922 году в Мысовске)»

пропагандиста и уже в июле 1906 стал членом Петербургского горкома ПСР. В 1908-1913 – учился в Мюнхене, в 1913-1917 конный разведчик 12-й Сибирской стрелковой бригады, заслуживший Георгия 3-й и 4-й степеней; с июня 1917 – заведующий отделом Министерства труда Временного правительства, кандидат в члены ЦК ПСР, депутат Учредительного собрания. В 1918 арестовывался ЧК, а в марте 1919 официально выходит из ПСР. На процессе правых эсеров в 1922 году – проходил свидетелем. Известен как крупный советский ученый-экономист – экономический советник при правительстве Гоминьдана (1926-1927), зав. кафедрой Ленинградского инженерно-экономического института. В 1950 году осужден за «активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» к пяти годам поселения в Канске. Амнистирован в 1953, скончался в 1967 году¹⁵⁷.

Эдуард Левенберг поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1907 был исключен и подвергся административной высылке. В годы 1-й мировой войны призван в армию, служил фейерверкером. В 1917 председатель исполкома Юго-Западного фронта, делегат III съезда ПСР. Член следственной комиссии по делу ген. Корнилова на Юго-Западном фронте. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918. В 1921 находился в Ярославском политизоляторе. В 1922 организовал бюро защиты эсеров-цекистов. Жил в Московской области. В 1938 Военной коллегией Верховного суда СССР осужден на 10 лет лагерей. Освобожден и реабилитирован в 1956. Дата смерти неизвестна¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Гончаренко Л. Н., Коломинов В. В, Страницы политической биографии А. Б. Ельшевича // Власть и общество в России. Вып. 1. СПб, 2007. С. 112-139.

¹⁵⁸ Протасов Л. Г. Люди учредительного собрания. М, 2008. С. 328.

Меж революций (1906-1917)

Как уже было сказано, Исаак Григорьевич с 1906 года находился в Забайкалье. Вероятно, тогда в Чите проживал один из его старших братьев – Борис, ставший музыкантом¹⁵⁹. Охранка в своих ориентировках предполагала, что:

«Гольдберг, Исаак Гершев, иркутский мещанин, 20 лет, небольшого роста, брюнет, небольшие усы, лицо сухое, волосы на голове длинные, цвет лица смугло бледный, глаза бегающие, походка ровная. Одевался: черное ватное пальто, черная мягкая шляпа. Может возвращаться в Иркутск из Читы»¹⁶⁰.

Однако до середины 1907 года он спокойно проработал ответственным секретарем читинской газеты «Забайкальская новь» с «удостоверением корреспондента на имя Бланкова»¹⁶¹. Принимал ли он активное участие в деятельности эсеровских групп неизвестно. Может быть он содействовал организации побега руководителя боевой организации ПСР Г. А. Гершуни из Акатуйской каторжной тюрьмы 15 октября 1906 года? Или имел связи с З.Ф.Г.В.Н.В. – «Забайкальской Федерацией Групп Вооруженного Народного Восстания», прославившейся своими дерзкими «эксами» и покушениями на представителей власти? Мы не знаем. Не знаем мы и того, почему он вернулся в Иркутск в июле 1907 года. Практически сразу по возвращении его арестуют, но выпустят 1 сентября, чтобы вечером 26 ноября на представлении «Губернской Клеопатры» в иркутском городском театре опять арестовать и теперь упечь уже надолго. В декабре Исаака отправят в ссылку в Братский

¹⁵⁹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 6. Возможно, «погиб под автомобилем» 06.04.31 в Иркутске (Извещение о похоронах // Восточно-Сибирская правда, 1931, 14 апр. (№ 84), С. 4).

¹⁶⁰ Список известных иркутскому охранному отделению лиц, находящихся по сведениям в г. Чите и других местностях Забайкальской обл. // Карательные экспедиции в Сибири. М., 1932. С. 240.

¹⁶¹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 27-28. В книге приводятся ссылки на статьи от 8 мая, 11 мая, 25 мая, 23 мая, 3 июля 1907 года

острог¹⁶², а 16 мая 1909 за организацию демонстрации на похоронах ссыльного Вольдемара Крастыня еще дальше – в село Преображенское Киренского уезда на реке Нижняя Тунгуска¹⁶³.

Четырехлетняя ссылка (1908-1911), во время которой, кстати, произошла встреча Гольдберга с «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, в это время как раз находившейся в ссылке в Киренске¹⁶⁴, не изменила его политических взглядов. И она же дала ему пищу и, что важнее, время для творческого скачка:

«Если-б не ссылка, вряд ли мне пришлось так близко и так органически познать быт сибирского, таежного крестьянина. И теперь я могу раскланяться пред правительством Николая Романова, заставившим меня прожить около пяти лет в ряде отдаленнейших сибирских таежных уголков!»¹⁶⁵.

Тогда как о периоде 1905-1906 годов Исаак Григорьевич скажет:

«...революция захватила меня целиком не в качестве ее бытописателя или певца, а в качестве непосредственного ее участника, и художественное творчество отодвинулось для меня далеко в сторону»¹⁶⁶.

Эти «северные» впечатления вскоре вырастут в «Тунгусские рассказы»¹⁶⁷, «Братьев Верхотуровых»¹⁶⁸ и «Тёмное»¹⁶⁹, а «этапные»

¹⁶² Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 35.

¹⁶³ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 40. Сейчас с. Преображенское Катангского района Иркутской области.

¹⁶⁴ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 61. Исаак Григорьевич приезжал в Киренск в 1909 на военную медицинскую комиссию.

¹⁶⁵ Гольдберг И. Г. Биография моих тем // Будущая Сибирь, 1933, № 3, С. 35-36.

¹⁶⁶ Гольдберг И. Г. Биография моих тем // Будущая Сибирь, 1933, № 3, С. 35.

¹⁶⁷ Гольдберг И. Тунгусские рассказы. М., 1914. 158 с.

¹⁶⁸ Гольдберг И. Братья Верхотуровы // Сибирские записки, 1916, № 3, С. 3-24.

¹⁶⁹ Гольдберг И. Темное // Северные зори. М, 1916. С. 35-105.

воспоминания дадут, правда, позже, интересный цикл «Блатных рассказов»¹⁷⁰.

После возвращения в Иркутск¹⁷¹ он опять с головой окунулся в общественную жизнь города: в его «послужном списке» издание однодневной газеты в поддержку студентов-сибиряков «Гаудеамус», редакторство или членство в редколлегиях газет «Сибирь», «Отголоски жизни» и «Народная Сибирь», активное участие в работе всевозможных общественных организаций: в Иркутском отделе Общества изучения Сибири и улучшения ее быта¹⁷², в Обществе потребителей города Иркутска и Иркутской губернии¹⁷³, в культурно-просветительском обществе «Знание»¹⁷⁴, в Иркутском комитете Всероссийского Союза городов¹⁷⁵. И конечно же, опять арест, правда, на один единственный день – 27 мая 1915 года в связи с издательской деятельностью¹⁷⁶.

Еврейский вопрос

Завершая рассказ о дореволюционном периоде жизни Исаака Григорьевича хочется остановиться на отражении национального вопроса в его произведениях. В имеющихся жизнеописаниях и исследованиях его литературного наследия он практически не находит отражения. Это в общем-то имеет свои оправдания, так как в 20-30-е годы (да, пожалуй, уже и в 1910-е) вопрос этот в его судьбе прак-

¹⁷⁰ Гольдберг И. Блатные рассказы // Сибирские огни, 1926, № 1-2, С.102-122.

¹⁷¹ Разрешение было получено 18 февраля 1912 года. См.: Забелин П. В.

¹⁷² С декабря 1913 секретарь ОИС. См.: Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Т. 1. Иркутск, 1917, С. 98, 105-106, 132, 151-152; Сибирь, 1914, № 145, С. 2; Иркутская жизнь, 1914, № 9, С. 3.

¹⁷³ Сибирь, 1914, № 103, С. 2; № 107, С. 2; № 122, С. 2.

¹⁷⁴ Сибирь, 1914, № 134, С. 2.

¹⁷⁵ Иркутская жизнь, 1914, № 83, С. 4.

¹⁷⁶ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. 1971. С. 63; Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940. Иркутск, 2003. С. 285.

тически не играл никакой роли. Во всяком случае ни в его произведениях, ни в известных свидетельствах о его деятельности на общественном поприще никаких отсылок к этой теме нет. Однако, и это видно из истории кружка «Братства», на рубеже XIX и XX столетий, «еврейский вопрос» стал для него той отправной точкой с которой началось движение в политику.

Собственно, и первый его литературный опыт имеет именно национальную окраску. Рассказ «Артист», принятый в конце 20-х гг.¹⁷⁷ за исходный рубеж его литературной деятельности (именно поэтому в 1933 отмечалось ее тридцатилетие), судя по всему никого из литературоведов особенно не интересовал и даже не был «поднят». Достаточно сказать, что в библиографиях сибирской литературы, начиная с 60-х годов местом его публикации указывается газета «Сибирь»¹⁷⁸, то же самое находим в биографии писателя у П. В. Забелина¹⁷⁹, а В. П. Трушкин вообще счел необходимым специально подчеркнуть, что в прижизненной библиографии Гольдберга, составленной Т. И. Фатеевой и опубликованной в журнале «Будущая Сибирь»¹⁸⁰, источник – «Иркутские губернские ведомости» – указан ошибочно¹⁸¹. И это при том, что в 1903 году газеты «Сибирь» в Иркутске просто не существовало¹⁸².

Оценка рассказа практически ограничивалась аннотацией из той же библиографии: *«Рассказ о забитом, униженном еврейском мальчике, который возвращается в родной городок знаменитым скрипачом»*. Примечательно, также дополнение к этой характеристике –

¹⁷⁷ В 1928 году на страницах «Сибирских огней» отмечалось 25-летний юбилей литературной деятельности.

¹⁷⁸ Писатели Восточной Сибири: библиогр. указ. Ч. 1. Иркутск, 1956. С. 84.

¹⁷⁹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск, 1971. С. 11.

¹⁸⁰ Будущая Сибирь, 1934, № 1, С. 122.

¹⁸¹ Трушкин В. П. Пути и судьбы. Иркутск, 1985. С. 240.

¹⁸² «Сибирь» стала издаваться только с 25 октября 1906 г.

«упорным трудом и настойчивостью добившегося признания своего таланта»¹⁸³.

Между тем, самим автором рассказ характеризовался несколько иначе:

«...концерт знаменитого скрипача в родном городе, откуда он уехал маленьким забитым еврейским мальчиком. И на его триумфе попытка дать выход национальным чувствам, протесту против национального гнета, против антисемитизма»¹⁸⁴.

Более того, в указанной библиографии Фатеевой рассказ похоже вписан со слов самого автора¹⁸⁵ и называется не так как он озаглавлен в газете, а по ключевому сюжетному ходу – названию молитвы «Кол Нидрэ». Основная драма рассказа заключается вовсе не триумфальном возвращении артиста в результате упорного труда, а в том, что хорошо (даже гениально), он смог сыграть только импровизацию на мотив памятной с детства молитвы, после чего прекратил выступления и воссоединился с оставленной семьей. А «музыкальные люди», неистово аплодировавшие артисту, узнав о том, что он сыграл стали пренебрежительно говорить: «*Было чем восхищаться!*»¹⁸⁶.

¹⁸³ Трушкин В. Вехи творчества // Литературный Иркутск. Иркутск, 1981. С. 182.

¹⁸⁴ Гольдберг И. Биография моих тем // Будущая Сибирь, 1933, № 4, С. 35.

¹⁸⁵ Дата публикации, указанная ошибочно («1903, 2/15 октября»), видимо, тоже приведена с его слов.

¹⁸⁶ Иркутские губернские ведомости, 1903, № 3546 (14 окт.), С. 2.

Интересно также отметить, что ссылка за шестидесятую параллель 1909-1912 гг., выделяемая исследователями творчества Гольдберга как тот период в его жизни, когда он собственно и родился как настоящий литератор и которая дала его «Тунгусские рассказы», может быть охарактеризована и несколько другими произведениями. Это были рассказы по мотивам событий из древней истории Иудеи, которые он отправлял в иркутские газеты. Например, такие как «Юдифь» (на известный библейский сюжет с отсечением головы ассирийского царя Олоферна)¹⁸⁷ или «Пусть он проклят» (о предтече Бар-Кохбы – Элиасе, сыне Абайи, нарушившем субботний отдых ради борьбы с римским гнетом и казненным по приговору Синедриона)¹⁸⁸. В этих рассказах, конечно не столько поднимается тема национального возрождения, сколько используется ветхозаветный колорит для продвижения идей жертвенности и вооруженной борьбы, но, тем не менее, сам выбор места и времени действия достаточно показателен. Впрочем, учитывая политические предпочтения Исаака Григорьевича, с которыми он определился накануне революции 1905 года, это логично.

Последними публичными вступлениями по национальной теме можно считать его открытые лекции о творчестве еврейского поэта Х. Н. Бялика. 20 апреля 1914 года на вечере устроенном Обществом распространения просвещения между евреями в России он читает доклад «Певец созидającego гнева»¹⁸⁹, неоднократно повторявшийся впоследствии¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Исаак Г. Юдифь // Восточная заря, 1910, 27 июня (№ 143), С. 2; 29 июня (№ 144), С. 2.

¹⁸⁸ Исаак Г. Пусть он проклят // Голос Сибири, 23 дек. (№ 12), С. 2, 3 приб.; 24 дек. (№ 13), С. 2 приб.

¹⁸⁹ Сибирь, 1914, 18 апр. (№ 88), С. 2; 20 апр. (№ 90), С. 2; 22 апр. (№ 91), С. 2.

¹⁹⁰ Иркутская жизнь, 1914, 23 дек. (№ 110), С. 4.

За власть в Советах (1917-1920)

О политическом и общественном весе Исаака Григорьевича в городе говорит тот факт, что именно он 10 марта 1917 года, будучи редактором по сути эсеровской газеты «Сибирь» (среди сотрудников которой в тот момент был, например, будущий председатель петроградского «Комитета спасения родины и революции» А. Р. Гоц¹⁹¹), открывал митинг в городском театре по случаю празднования «Дня Свободы» (Февральской революции)¹⁹², и хотя и не занял никаких постов в органах исполнительной власти, но уже в апреле вошел в состав депутатов (гласных) иркутской городской думы от еврейской общины, а по итогам выборов (во время проведения которых он, кстати, был секретарем избирательной комиссии¹⁹³) 30 июля вновь был избран одним из 90 гласных. Теперь уже непосредственно от партии эсеров, которые «взяли» 52 % мест¹⁹⁴. В качестве «делегата иркутской демократии» Гольдберг (вместе с городским головой, эсером Н. А. Чичинадзе) принял участие во Всероссийском демократическом совещании («Всероссийском съезде демократии»), проходившем 14-22 сентября 1917 г. в Петрограде¹⁹⁵. Был членом городской комиссии по выборам в Учредительное собрание, состоявшимся 12 ноября 1917¹⁹⁶.

Как видим, Исаак Григорьевич очень активно участвовал в общественной жизни города, и политическая позиция, занимаемая им в силу партийных убеждений, была такова, что неизбежно вела

¹⁹¹ Абрам Рафаилович Гоц (1882-1940). Член боевой организации ПСР с 1906, участник создания Комитета общественных организаций (КООРГ) в Иркутске в марте 1917, лидер эсеровской фракции в Петросовете, один из главных обвиняемых на процессе ПСР 1922 года. Умер в Краслаге.

¹⁹² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 119.

¹⁹³ Единение, 1917, 9 июля (№ 33), С. 1.

¹⁹⁴ Единение, 1917, 13 авг. (№ 62), С. 2; Шапова Л. В. Февральская революция 1917 года в Иркутске // Сибирский город XVIII-XX веков, Вып. 7. Иркутск: Оттиск, 2011, С. 143-155.

¹⁹⁵ Единение, 1917, 7 сент. (№ 80), С. 3.

¹⁹⁶ Единение, 1917, 3 окт. (№ 100), С. 2.

к противостоянию с большевиками. После августовского выступления генерала Корнилова процесс расхождения Советов и иных представительных органов (земства, думы) пошел ускоренными темпами. Большевизация Советов очевидно провоцировала эсеров и меньшевиков (тех из них, кто не «полевел»), все определеннее отходить от компромиссных позиций.

Уже 8 октября во время выборов делегатов на 2-й съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири, иркутские большевики, пользуясь своим численным превосходством, избрали 4 из 6 делегатов и одного делегата на Всероссийский съезд Советов, игнорируя меньшевиков и социалистов-революционеров, после чего эсеры демонстративно покинули собрание¹⁹⁷. Тем не менее, 15 октября на самом съезде, Гольдберг был избран одним из «заместителей» (кандидатов) в состав постоянного окружного бюро Советов Восточной Сибири от ПСР¹⁹⁸. Окружное бюро находилось в оппозиции большевистской Центросибири – Центральному Сибирскому исполнительному комитету Советов, созданному 23 октября 1917 на I Общесибирском съезде Советов. Правые эсеры и меньшевики-интернационалисты отказались занять пять из одиннадцати предоставленных им в Центросибири мест¹⁹⁹, а большевики в свою очередь 14 ноября отозвали своих представителей из окружного бюро²⁰⁰.

¹⁹⁷ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 128.

¹⁹⁸ Единение, 1917, 22 окт. (№ 117), С. 4; Шиловский М. В. Литературный псевдоним Irigidens // Личность в истории Сибири XVIII-XX вв., Новосибирск: Сова, 2007, С. 173-179.

¹⁹⁹ Телеграфное сообщение Центральному Всероссийскому Исполнительному Комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о составе Центросибири [не позднее 20 ноября 1917] // Подвиг Центросибири. Иркутск, 1986. С. 40.

²⁰⁰ Сообщение Центросибири о положении в Иркутске [15 ноября 1917] // Подвиг Центросибири. Иркутск, 1986. С. 38.

Основная активность Исаака Григорьевича, однако, по-прежнему проявлялась в городской думе. Известия об октябрьском вооруженном восстании в Петрограде было воспринято им резко отрицательно. На экстренном заседании городской думы 25 октября 1917 г. он от лица фракции эсеров категорически заявляет о необходимости предупреждения попыток захвата власти в городе большевиками и о необходимости продолжения подготовки к выборам во Всероссийское Учредительное собрание. *«От имени фракции с.-р., заявляю, что против всех контр-революционных и анархических выступлений — мы будем бороться»*²⁰¹. В итоговой резолюции заседания, подготовленной эсерами и меньшевиками, с которой он выступил в конце заседания, среди прочих общих мест было решение о созыве «объединенного комитета борьбы с анархией» (Комитета защиты революции). Резолюция была принята и делегатами от городской думы в указанный Комитет были избраны эсеры И. Г. Гольдберг и городской голова Н. А. Чичинадзе, а кандидатами — эсдеки Фишман и Вульфсон²⁰².

После роспуска большевиками Московской городской думы, в ходе постепенного обострения ситуации в самом Иркутске выступления Гольдберга на заседаниях городской думы становятся все резче. На заседании 24 ноября он прямо заявил:

«...большевизм — одураченные толпы бессознательных масс — которым много обещано, и когда вождям большевизма придет срок платежа, а платить будет нечем, то тот же «большевистский» народ разорвет их на мелкие части ...

Вы, большевики, обещали народу много, но что дали? Мира, хлеба вы не дали, но за то вызовете анархию и контрреволюцию.

²⁰¹ Единение, 1917, 27 окт. (№ 121), С. 3.

²⁰² Единение, 1917, 28 окт. (№ 122), С. 3.

Вы не избегнете суда ... Если вы будете нажимать нас, то у нас найдутся тоже штыки...»²⁰³.

К этому времени уже были созданы по сути военные штабы противоборствующих сторон – 15 ноября эсеро-меньшевистский Временный комитет по охране революционного порядка и 19 ноября большевистский Военно-революционный комитет. До открытой конфронтации оставалось две недели, которые были наполнены в том числе агитационными речами и обличительными статьями в газетах противоборствующих лагерей. Таким образом, не удивительно, что в ночь на 3 января 1918 Гольдберг был впервые арестован советской властью, как редактор газеты, активно призывавшей к борьбе с большевистским переворотом и тенденциозно освещавшей события братоубийственных декабрьских боев в Иркутске.

Непосредственной причиной ареста и закрытия газеты «Сибирь» (кстати, вызвавшего острый конфликт с городским Союзом печатников, которые отказались выпускать советские газеты и бастовали вплоть до 9 января), стала публикация телефонных переговоров, состоявшихся в новогоднюю ночь 1918 года между командующим Иркутского военного округа и членом главного дорожного комитета в Чите, в котором читинцы просили вооруженной поддержки против укрепившегося на КВЖД Семенова, и сообщали, что Чита совершенно не готова к сопротивлению в случае наступления контрреволюционных войск²⁰⁴.

Вышедший 1 января материал был расценен как разглашение военной тайны:

²⁰³ Единение, 1917, 26 ноября (№ 146), С. 3.

²⁰⁴ Власть труда, 1918, 11 янв. (№ 5), С. 3.

«...И. Гольдберг — оказавший Семенову помощь в расстреле чинских рабочих и солдат, открыто зовет «граждан» отказаться от «пассивности» и выполнить действительно свой долг в борьбе с «большевиками». Редактор газеты «Сибирь» уверяет своих «граждан», что «скоро, очень скоро» большевизм будет побежден (калединско-семеновскими пулеметами?) и наступит светлое царство свободы. Призывы к борьбе с рабоче-крестьянской властью, к новому расстрелу советов весьма откровенны.»²⁰⁵

Исааку Григорьевичу повезло. Между 3 и 7 января 1918 года он был освобожден по распоряжению прокурора судебной палаты С. С. Сторынкевича, после чего ушел в «подполье». Сторынкевич в свою очередь был арестован и 27 января приговорен военно-революционным трибуналом под председательством Постышева к «общественному порицанию»²⁰⁶.

Покинув город, Гольдберг вскоре появляется в Томске, где возглавляет фракцию эсеров в Сибирской областной думе (разогнанной большевиками 26 января 1918)²⁰⁷.

После чехословацкого мятежа и свержения власти большевиков, он редактор (с июня 1918) газеты «Голос народа» – органа Сибирского краевого комитета ПСР. Газеты, которая едва ли не в с первой редакционной статьи *«категорически отрицала социалистический характер Октябрьского переворота, утверждала, что большевики, извратив систему выборов в Советы, превратили последние в карикатуру на подлинное рабочее представительство и в ширму*

²⁰⁵ Власть труда, 1918, 13 янв. (№ 7), С. 2.

²⁰⁶ Власть труда, 1918, 30 янв. (№ 21), С. 3; Помозов О. А. День освобождения Сибири. Томск, 2014, С. 118.

²⁰⁷ Помозов О. А. День освобождения Сибири. Томск, 2014, С. 122; Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. Омск, 2004. С. 281.

своего единовластия, предлагала говорить о происходивших в Сибири событиях не как «о свержении власти Советов, а [как] о свержении власти большевиков»²⁰⁸. Сам Гольдберг, например, 13 июня 1918 г. поместил статью «Политическая месть», в которой живописал «кровожадность большевиков и их стремление физически уничтожить политических оппонентов»²⁰⁹.

Во второй Сибирской областной думе, начавшей свою работу 15 августа 1918 г. он вновь возглавляет фракцию ПСР²¹⁰, конфликтует с Временным сибирским правительством²¹¹, а после приостановки ее деятельности (21 сентября), 27 сентября – 9 октября 1918 года на I Всесибирском съезде ПСР, проходившем в Томске на полупулегальных началах Гольдберг выступает с одним из ключевых докладов (о текущем моменте и тактике партии)²¹² и избирается кандидатом в члены Всесибирского краевого комитета партии²¹³.

Весной 1919 г. мы уже видим его в Иркутске, где на выборах в городскую думу 25 мая 1919 г.²¹⁴ он опять попадает в состав гласных и возглавляет эсеровскую фракцию. К осени в Иркутске соберется

²⁰⁸ Шишкин В. И. К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – нач. XX вв. Барнаул: Азбука, 2005. С. 299.

²⁰⁹ Шереметьева Д.Л. Большевики в представлении «демократической контрреволюции» Сибири (июнь-ноябрь 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Новосибирск, 2013. С. 50-75.

²¹⁰ Шиловский М. В. Литературный псевдоним Irgidens // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков, Новосибирск: Сова, 2007, С. 173-179.

²¹¹ «17 сентября [1918] в закрытом заседании Сибирской областной думы был поставлен вопрос о позиции делегации правительства на совещании в Уфе. Лидер эсеровской фракции И. Г. Гольдберг потребовал, чтобы правительство дезавуировало основные положения своей декларации, заявленной при открытии совещания и согласилось на принцип ответственности перед «старым» Учредительным собранием» (см.: Журавлев В.В. Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Новосибирск: Nonпарелль, 2011. С. 128–131.

²¹² Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. – С. 323.

²¹³ Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. – С. 327.

²¹⁴ Возможно на повторных выборах 3 августа 1919 г.

большая часть членов Сибкрайкома ПСР и 22 октября на партийной конференции будет принята резолюция, в которой содержались положения о необходимости созыва Земского собора, Учредительного собрания и соглашения с большевиками²¹⁵.

Оппозиционный курс по отношению к колчаковским властям привел к тому, что 12 ноября 1919 г. Гольдберг, наряду с несколькими другими общественными и политическими деятелями, подозреваемыми в подпольной работе, был арестован контрразведкой (при обыске обнаружившей у него прокламации Краевого комитета ПСР), однако отпущен в течение суток²¹⁶. В тот же день на Всесибирском совещании представителей земств и городов будет создан Политцентр.

25 (26) ноября 1919 г. иркутская дума выразила недоверие перебравшемуся в Иркутск омскому правительству (Гольдберг был одним из трех выступавших с речами на этом заседании²¹⁷), а затем поддержала начатое Политцентром вооруженное восстание. И. Г. Гольдберг был одним из активных участников этих событий²¹⁸, а после победы восстания вошел 11 января в состав Временного Сибирского Совета народного управления (ВССНУ) в качестве одного

²¹⁵ Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. - С. 390.

²¹⁶ Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. - С. 391.

²¹⁷ М. В. Шиловский пишет, что именно И. Г. Гольдберг был инициатором публичного демарша гласных, ссылаясь на летопись Н. С. Романова. Однако, в краткой записи о событиях 25 ноября 1919 у Романова Гольдберг не упоминается вообще, а в воспоминаниях П. Д. Яковлева (?), опубликованных в 1922 г. сказано буквально следующее: «Гольдберг, вместо критики действий правительства диктатуры, произнес никого не удовлетворяющую типично митинговую речь», причем заседание датировано 26 ноября 1919 года. См.: Н. Последние дни колчаковщины // Сибирские огни, 1922, № 2, С. 85; то же // Власть труда, 1922, 17 июня (№ 135), С. 2.

²¹⁸ Например, 12 января 1920 г. Гольдберг в качестве уполномоченного Политцентра ведет телефонные переговоры с Нижнеудинским военно-революционным комитетом (см.: Шишкин В.И. Арест адмирала А.В. Колчака (декабрь 1919 — январь 1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1997. С. 111-169).

из представителей от городского самоуправления²¹⁹ и был председателем ее мандатной комиссии²²⁰, а также членом редколлегии его официального печатного органа – газеты «Народная мысль»²²¹. На одном из первых заседаний Совета он выступил с инициативой не лишать формируемый Верховный Народный суд, первым делом которого должно было стать разбирательство казни колчаковцами 31 заложника на ледоколе «Ангара», права выносить приговоры о смертной казни («за» – 10 членов ВССНУ, "против" – 3)²²².

После передачи власти от ВССНУ к большевистскому Военно-революционному комитету, 23 января состоялись выборы в Иркутский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов, в который вошли 16 правых эсеров²²³. Гольдберг и на этот раз остается в составе нового представительного органа²²⁴, однако все это было уже явно ненадолго.

²¹⁹ Струк Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму Колчака А. В. в Восточной Сибири : дис. ... канд. ист. н. - Иркутск, 2000. - С. 144; Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. – С. 525.

²²⁰ Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917-1923 годы: на материалах Сибири: дис. ... д. и. н. - Омск, 2004. – С. 396.

²²¹ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 395-396.

²²² М. В. Шиловский со ссылкой на «Звягин С. П. Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Красноярск, 2001. С. 48» пишет: *«предложил дать Верховному народному суду право выносить приговоры о смертной казни ... Данное обстоятельство потрясло иркутскую общественность, так как до революции именно эсеры требовали отмены высшей меры наказания»*, не упоминая о казни заложников на «Ангаре». О заседании ВССНУ и решении не лишать суд права вынесения смертных приговоров именно в связи с эксцессом на «Ангаре» см.: Струк Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму Колчака А. В. в Восточной Сибири: дис. ... канд. ист. н. - Иркутск, 2000. - С. 145, со ссылкой на ГАИО, ф. р-4, оп. 1, д. 25 (оц), л. 40.

²²³ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 399.

²²⁴ 1 февраля на заседании Совета, посвященном отношению чешских войск к ВРК «Тов. Гольдберг от имени эсэров заявляет о поддержке советской власти. Мы хотим, говорит он мирного разрешения, но будем готовиться к борьбе» // *Таежная жизнь*, 1920, 7 февр. С. 1.

20 февраля 1920 г. ВРК распустил городскую думу и управу²²⁵, а 3 июня 1920 г. «ввиду контрреволюционной деятельности» – партию социалистов-революционеров²²⁶. Выборы нового состава городского Совета 7-14 августа 1920²²⁷ уже явно обошлись без него²²⁸.

При советской власти (1920-1937)

На этом Исаак Григорьевич Гольдберг, как политик закончился. Но как общественный деятель и, прежде всего, писатель – отнюдь нет. Как раз наоборот. Еще в первой половине 1920-го он выступает в различных клубах с литературоведческими лекциями о Верхарне, Ибсене, Андрееве²²⁹. Потом на полтора года пропадает из местной хроники, в том числе в связи с арестом в июле 1921 года²³⁰, чтобы вновь появиться в том качестве, которое и будет определять память о нем после трагической гибели и реабилитации.

В декабре 1921 г. Иркутское литературно-художественное общество (1-е ИЛХО) выпустит в пользу голодающих Поволжья сборник «Отзвуки»²³¹, в котором среди прочих будет опубликован рассказ

²²⁵ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 406.

²²⁶ Приказ губревкома от Зинюня 1920 № 274 // Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 203.

²²⁷ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 416.

²²⁸ По итогам выборов за РКП(б) проголосовало 98,7 % избирателей. 1,3 % получили меньшевики за счет голосов союза печатников // Власть труда, 1920, 26 авг. (№ 238), С. 2.

²²⁹ См.: Власть труда, 1920, 21 апр. (№ 132), С. 6; 9 июня (№ 172), С. 4; 14 июля (№ 202), С. 2; 28 июля (№ 214), С. 2.

²³⁰ Иркутская летопись 1661-1940 / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 430: «Из подвалов Иркутской губЧК препровождены в Иркутский дом принудительных работ (тюрьму) 14 арестованных, принадлежащих к активным деятелям распуценной партии социалистов-революционеров, в том числе: ... Исаак Григорьевич Гольдберг — писатель, ... Всем предъявлено обвинение в принадлежности к партии социалистов-революционеров и активном выступлении против советской власти. После анализа собранных материалов по предъявленному обвинению все арестованные были освобождены решением президиума губЧК в конце 1921 — начале 1922 г.»

²³¹ Гольдберг Из. Памяти юноши поэта // Власть труда, 1921, 11 дек. (№ 622), С. 2. По воспоминаниям М. Скуратова Гольдберг формально не был членом ИЛХО, однако посещал собрания этого объединения.

Гольдберга «Человек с ружьем». Уже в январе 1922 Исаак Григорьевич вновь читает лекции (о Короленко²³²), а в марте принимает участие в журнале Красного студенческого дома университета «Кузнецы грядущего»²³³. И все же, к сожалению, совершенно неясно, чем жил писатель в 1920-1923 годах²³⁴. Понятно только, что прошлые его грехи перед нынешними победителями были если и не забыты, то прощены. Впрочем, таких людей, как он, тогда было достаточно, причем с гораздо более скомпрометированной личной историей. Ведь в конце-то концов, Гольдберг по большому счету был только публицистом, и к тому же участником антиколчаковского движения, объективно содействовавшего победе красных.

К 1924 году Исаак Григорьевич уже прочно реабилитировался²³⁵. Особенно помогла этому публикация рассказа «Бабья печаль» в восточном литературном альманахе страны «Красная Новь». На объявленный в апреле 1924 года конкурс рассказов (в жюри входили Луначарский, Серафимович, Переверзев и др.) было прислано 1065

²³² Вечер памяти В. Г. Короленко // Власть труда, 1922, 1 февр. (№ 25), С. 3.

²³³ Новый журнал // Власть труда, 1922, 9 марта (№ 56), С. 4.

²³⁴ Плохую службу здесь оказывает манера газетных материалов того периода не указывать инициалы при упоминании того или иного лица. Фамилия Гольдберг встречается на страницах газет 20-х годов довольно часто, однако исходя из контекста эти упоминания скорее относятся к Израилу Абрамовичу Гольдбергу, коммунисту, секретарю газеты «Набат», позже главному редактору «Власти труда» (27.03.1924-) и, возможно, «Сибирских огней» (1938-), кандидате в члены иркутского горсовета (Власть труда, 1921, № 402, С. 2 и № 411). Режиссер, замзав агитотделом губкома РКП (1922, № 11), активно занимавшийся культурным строительством, клубами и театрами. Именно он 24 января 1922 г. на 27-х пехотных курсах играл роль обвинителя в инсценировке суда над Гапоном, участие в которой Шиловский в своей статье относит на счет И. Г. Гольдберга (см. Власть Труда, 1922, 28 янв. (№ 22), С. 4).

²³⁵ В начале 1923 г. в Иркутске была издана книга его рассказов «Закон тайги», в которой были объединены новые рассказы «тунгусского» цикла, дополненные «Человеком с ружьем».

рукописей и произведение Гольдберга не только попало в призовую десятку, но и получило читательский приз, как одно из трех лучших уже среди рассказов-победителей²³⁶. Возможно, именно это признание открыло перед Гольдбергом-литератором двери издательств – с середины 1924 года он начинает регулярно публиковаться в «Сибирских огнях» – основном «толстом» краевом литературном журнале 1920-х годов²³⁷ и даже допускается в качестве фельетониста в губернский партийный орган – газету «Власть труда»²³⁸.

Следующее десятилетие, пожалуй, стало в судьбе Исаака Григорьевича зенитом. Он постоянный делегат сибирских и всесоюзных съездов писателей, член различных писательских организаций (входит в правление Сибирского союза писателей, руководит иркутским отделением этого союза, избирается в ревизионную комиссию Всероссийского союза советских писателей на его первом съезде), принимает участие в работе ФОСП (Федерации организаций советских писателей), АПП (Ассоциации пролетарских писателей), ЛОКАФ

²³⁶ Читательская премия иркутянину // Власть труда, 1925, 24 февр. (№ 45), С. 5.

²³⁷ Интересно отметить, что одним из членов жюри упомянутого конкурса рассказов был член редколлегии и один из основателей «Сибирских огней», известный сибирский критик – Валериан Правдухин. Первый рассказ опубликованный в № 3 «Сибирских огней» за июль-август 1924 года – «Петька шевелит мозгами» (Забелин в книге «Путь, отмеченный на карте» на стр. 97 ошибочно датирует рассказ «Попутчик» 1923 годом, правильно - 1925). Далее произведения И. Г. Гольдберга печатались едва ли не в каждом номере журнала, вплоть до появления в Иркутске в 1933 г. собственного альманаха – «Будущая (с 1935 «Новая») Сибирь». Последняя публикация – «Сентиментальная повесть» - вышла в № 1 «Сибирских огней» за 1937 г. Буквально за полтора-два месяца до его ареста.

²³⁸ Ис. Гольдберг. Фальшивая бумага (Былевая пустяковина) // Власть труда, 1924, 21 дек. (№ 295), С. 2-3.

(Литературной организации Красной Армии и Флота), член редколлегии журналов «Будущая Сибирь» и «Новая Сибирь» и т. д. и т. п.

Эта его активность в выступлениях в печати по вопросам литературного строительства в крае²³⁹, с осуждением «пильняковщины»²⁴⁰, участие в диспутах и обсуждениях демонстрируемых кинофильмов²⁴¹, чем-то напоминает его же бурную деятельность периода революции, только не на политическом, а на другом, более безопасном, хотя и не менее идеологизированном, литературном поприще. Не нужно думать, что участие в этом процессе как-то противоречило его предыдущему опыту и убеждениям. Скорее наоборот, оно органично выросло из всей социал-демократической традиции, последовательным проводником которой он был и до революции. Идеи Горького были более чем близки ему, а и он неоднократно подчеркивал то влияние и роль, которую Алексей Максимович сыграл в его писательской судьбе.

Однако, для того, чтобы играть ведущую роль в «литературном строительстве» нужны были не только организаторские и ораторские способности, которыми Гольдберг несомненно обладал, но и опыт, и знания, и конечно же – талант писателя. Именно в этот период из-под его пера выйдут циклы рассказов «Путь, не отмеченный на карте» и «Простая жизнь», романы и повести «Сладкая полынь», «Поэма о фарфоровой чашке», «Главный штрек», «Жизнь начинается сегодня» и другие произведения, которые будут издаваться и переиздаваться в Новосибирске, Иркутске, Москве до его

²³⁹ См., например: Гольдберг Ис. Нужно ли создавать литературный центр в Восточно-Сибирском крае? // Восточно-Сибирская правда, 1930, 30 авг. (№ 5), С. 2; Гольдберг Ис. ЛОКАФ: к организации нового литературного объединения // Восточно-Сибирская правда, 1930, 17 сент. (№ 19), С. 4.

²⁴⁰ Гольдберг Ис. Долой пильняковщину из наших рядов // Власть труда, 1929, 28 сент. (№ 225), С. 4.

²⁴¹ См.: Есть ли у нас 3-я мешанская: на диспуте ОДСК // Власть труда, 1927, 13 апр. (№ 84), С. 8.

гибели и вновь – после реабилитации в 60-80-х гг. XX в. Он даже пробует себя в жанре киносценария²⁴².

В его наследии от того плодотворного периода осталась не только художественная литература. В нем очерки об «Ангарстрое» (исследовательских работах 30-х гг. этапа проектирования ангарского каскада ГЭС)²⁴³, о Бурят-Монгольской АССР²⁴⁴, об открытии чаепрессовочной фабрики²⁴⁵, черемховских копяч²⁴⁶ и сельскохозяйственных коммунах²⁴⁷. Гольдберг принимает участие в работе над Сибирской Советской Энциклопедией²⁴⁸, состоит товарищем председателя в историко-литературной секции ВСОРГО²⁴⁹ (что было продолжением его деятельности в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта еще в дореволюционный период), отмечился публичной защитой могил декабристов на кладбище Знаменского женского монастыря²⁵⁰).

²⁴² Сибирские огни, 1929, № 4, С. 221.

²⁴³ Гольдберг Ис. Реки потекут вспять: очерк об Анагарстрое // Восточно-Сибирская правда, 1930, 5 сент. (№ 10), С. 2; 20 сент. (№ 22), С. 4.

²⁴⁴ Гольдберг И., Молчанов И. Опрокинутые бурханы: очерки и стихи о новой Бурятии. Иркутск, 1933. 76 с.

²⁴⁵ Гольдберг Ис. В тиши подземелья: очерк из «Рапорта первой бригады писателей Восточно-Сибирского края» // Восточно-Сибирская правда, 1930, 21 окт. (№ 47), С. 3.

²⁴⁶ Гольдберг Ис. Молодая поросль // Восточно-Сибирская правда, 1933, 8 июля (№ 156), С. 3; Гольдберг Ис., Молчанов И. Первая плитка чая // Иркутский рабочий, 1932, 13 июня (№ 12), С. 2.

²⁴⁷ Гольдберг Ис. Жизнь начинается сегодня // Власть труда, 1930, 15 июля (№ 159), С. 4; 19 июля (№ 162), С. 2; 27 июля (№ 168), С. 4.

²⁴⁸ Совещание о «Сиб. энциклопедии» // Власть труда, 1927, 4 мая (№ 99), С. 8.

²⁴⁹ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск, 1971. С. 81.

²⁵⁰ Гольдберг Ис. Вандалы разрушают исторические памятники // Восточно-Сибирская правда, 20 окт. (№ 46), С. 4; Гольдберг Ис. Сохранить исторические памятники // Восточно-Сибирская правда, 1935, 30 сент. (№ 226), С. 4.

Общее признание выражалось в творческих вечерах, критических разборах его произведений литературоведами, и даже в предложениях перевода на иностранные языки²⁵¹. Празднование 30-летнего юбилея его литературной деятельности 4 декабря 1933 года проходило в Клубе Октябрьской революции (КОР)²⁵² и собрало 1,5 тысячи человек²⁵³. Торжество снималось Восточно-Сибирской студией кинохроники и вошло в сборный киножурнал выпущенный ею к 1 мая 1934²⁵⁴. «Старейшина сибирской литературы» – прочно закрепившееся за ним в тот период определение.

Устроилась и личная жизнь: он женится на Любови Ивановне Исаковой – приехавшей в 1929 году в Иркутск из Ленинграда молодой учительнице русского языка²⁵⁵. В 1934 г. она родит ему двойняшек – Бориса и Лию, а в 1937 будет настойчиво пытаться выяснить в НКВД судьбу мужа и получит 5 лет лагерей как член семьи врага народа²⁵⁶. В 60-х годах, после посмертной реабилитации²⁵⁷ и восстановления Исаака Григорьевича в Союзе писателей²⁵⁸ она займется возрождением его литературного наследия²⁵⁹.

²⁵¹ Власть труда, 1928, 15 февр. (№ 39), С. 4.

²⁵² Сейчас здание иркутского Театра юного зрителя им. А. В. Вампилова (ул. Ленина, 23).

²⁵³ Юрьева, Е. А. Иркутская писательская организация в 1920–1930-е годы: дисс. ... к. ф. н.. Москва, 2007. С. 157.

²⁵⁴ Киножурнал к Первому мая // Восточно-Сибирская правда, 1934, 27 апр. (№ 97), С. 4.

²⁵⁵ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск, 1971. С. 158.

²⁵⁶ Исакова Любовь Ивановна. Родилась в 1903 г., Ленинградская обл., Лужский р-н, д. Трошково; русская; б/п; учительница Иркутской школы № 5. Арестована 02.10.1937 г. Приговорена: Особое совещание при НКВД СССР 02.09.1938 г., как член семьи врага народа: 5 лет ИТЛ. Прибыла в Карлаг 09.11.1938 из тюрьмы г. Иркутска. Убыла 04.10.1939 в Соликамбумстрой. Реабилит. 25.01.1957 г. определением Военного трибунала ЗаБВО (см. сайт [«Жертвы политического террора СССР»](#) по данным книг памяти Иркутской области и «Узницы АЛЖИРа»).

²⁵⁷ Реабилитирован 27.04.1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР

²⁵⁸ РГАЛИ, ф. 631 оп. 39 ед. хр. 1523 «Дело о восстановлении И. Г. Гольдберга (26.5– 6.7.1957)»

²⁵⁹ См.: Мамаева К., Мугин В. Повесть о писателе Гольдберге // Знамя коммунизма (Ангарск), 1970, 10 янв.

Исаак Григорьевич со своими детьми Лией и Борисом.
21 апреля 1936 г.

Эпилог

От Исаака Григорьевича не осталось ничего вещного. Нет могилы, нет памятника. Именем его коллеги по литературному цеху, члена Центросибири, красного партизана (а до 1920 года – эсера-максималиста²⁶⁰) и писателя – точно также арестованного в 1937 году за неделю до Гольдберга и умершего в лагере – Петра Поликарповича Петрова названы улица, школа, иркутский Дом литераторов. А Исаак Григорьевич остался только в своих произведениях, с момента последнего переиздания которых прошло уже 25 лет²⁶¹, и в скупых газетных строчках. В городе, где он прожил всю свою жизнь (за вычетом нескольких лет ссылки и краткого периода пре-

²⁶⁰ Список делегатов II съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов всей Сибири, 14 (1) февраля 1918 г. // Подвиг Центросибири: сб. документов. Иркутск, 1986. С. 84; Власть труда, 1918, 28 февр. (№ 32), С. 2; Телеграмма Я. Д. Янсона комиссару восточного отдела НКВД А. Н. Вознесенскому о партийной принадлежности членов облакома, 29 марта 1918 г. // Подвиг Центросибири. Иркутск, 1986. С. 130.

²⁶¹ Гольдберг И. Г. Сладкая польнь: повести, рассказы / сост., послесл., коммент. В. П. Трушкина. - Иркутск, 1989 (Вост.-Сиб. кн. изд-во). - 622 с.

бывания в Томске), нет даже мемориальной доски. Или хотя бы таблички «Последний адрес» на доме по ул. Марата²⁶², куда он не вернулся в апреле 1937.

Нужна опытная няня ул
Марата 36 кв.
Гольдберга, № 4. Приходить
с 3-6 вечера 1266

*Объявление в газете «Восточно-Сибирская правда», 9 марта 1935.
До ареста оставалось чуть больше двух лет*

М. Куделя

²⁶² ул. Марата, 36 – сейчас, возможно, Марата 32 или 34. Приведенное ниже объявление: Восточно-Сибирская правда, 1935, 9 марта (№ 56), С. 4.

Оглавление

Жизнь в книгах.....	2
«То, что вспомнилось»	10
«Братство» (1902-1906)	18
Друзья.....	24
Братья	28
Кружок и журнал	33
После «Братства»	42
Судьба кружковцев.....	53
Меж революций (1906-1917)	57
Еврейский вопрос.....	59
За власть в Советах (1917-1920)	63
При советской власти (1920-1937)	71
Эпилог	77

Благодарности:

Моей жене *Ирине Киберт* и *Александру
Снарскому* – за терпение и советы

Марии Орловой-Гольдберг – за консультации
и фотографии из семейного архива

На титульном листе использовано фото с выставки Иркутской областной государственной универ-
сальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского «Двенадцать месяцев – двенадцать
иркутских писателей»